

Глава 3. ИНДИВИДЫ И ДОМОХОЗЯЙСТВА В НОВОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НЕРЫНОЧНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К РЫНКУ

3.1 Основные черты современного институционального пространства: новые возможности и новые ограничения

Любые кардинальные преобразования в обществе предполагают изменение институционального пространства, которое в значительной степени определяет спектр выбора (формального и неформального) как целей экономических субъектов, так и способов (и издержек) достижения этих целей. В процессе реализации этих целей (или вынужденного отказа от их реализации) экономические субъекты вступают в определенные социальные взаимодействия, доступными им способами влияя на формирующиеся правила игры, которые могут как соответствовать официально провозглашенным, так и отклоняться от них. Новые правила игры могут расширять экономическую свободу индивидов и домохозяйств (т.е. доступный им выбор в распоряжении своими усилиями, доходами, богатством, временем), а могут – и сужать ее; они могут расширять возможности одних субъектов и сужать возможности других. По-разному реагируя на новую ситуацию — поддерживая институциональные инновации или противодействуя им; оценивая их как временные или как устойчивые, как легитимные или нелегитимные, — разные экономические субъекты вносят свой вклад в конечные результаты институциональных преобразований. В этом сложном клубке столкновения множества разных интересов и волей, переплетения инновационных и инерционных механизмов, присутствующих в любых меняющихся социально-экономических системах, постепенно кристаллизуются новые правила игры, воспроизводятся или частично видоизменяются старые. И именно эти — уцелевшие, скорректированные и неформально сложившиеся — правила игры (как новые, так и старые) цементируют новое институциональное пространство, которое, в свою очередь, воздействует на спектр возможного выбора целей и моделей поведения по их достижению в следующий момент времени.

Какие же изменения *действительно* произошли в институциональном пространстве в ходе современных реформ? Как они воздействуют на экономические решения, принимаемые разными типами домохозяйств и индивидов? И как реализуемые модели экономического поведения, в свою очередь, сказываются на процессе и перспективах институционализации новых экономических прав и неправовых норм?

Характеризуя изменения в институциональном экономическом пространстве, с которыми столкнулись индивиды и домохозяйства в ходе реформ, акцентируем следующие моменты.

1. Произошли кардинальные изменения в системе социально-экономических прав. Появилась возможность создать свое дело и вести его на свой страх и риск, право самому решать – работать или не работать, право работать в нескольких местах без разрешения с места основной работы, право частной собственности на средства производства, право производителей самим определять объемы производства, цены на продукцию, размеры заработной платы. Стало возможным приватизировать квартиру, приобретать и иметь в личной собственности жилье, хранить сбережения в иностранной валюте и в негосударственных банках. Облегчился выезд за рубеж, в том числе и на работу. Провозглашено право на забастовки, митинги, акции протеста. Разрешены платная медицина и платное образование и многое другое.

Вместе с тем эти права не просто добавились к прежним, они вытеснили ряд дореформенных социально-экономических прав. В самом деле, государство больше не гарантирует ни доход в размере прожиточного минимума, ни тем более доход, обеспечивающий достойный уровень жизни. Исчезли гарантированная государством занятость, отсутствие угрозы безработицы, которую раньше имели жители хотя и не всех, но все же большинства регионов страны. Утеряно право на стабильные цены, устанавливаемые государством, сузилась сфера действия права на бесплатную медицинскую помощь и бесплатное образование и др.

Эти изменения в институционально-правовом пространстве официально задали *новые правила игры* – закрепленные в системе правовых норм формальные возможности экономических субъектов в выборе и достижении жизненных целей, интересов.

2. Преобразования экономических институтов подкрепляются демократизацией институтов политических и сами постепенно становятся важным, хотя и не необходимым, фактором дальнейшей политической демократизации. В самом деле, такие институциональные изменения в политической сфере, как возможность выборов на альтернативной основе, территориальная децентрализация управления, некоторые шаги в сторону плюрализации СМИ и создания свободных ассоциаций граждан и др., в определенных условиях в принципе способны внести существенный вклад в продвижение экономических реформ в либеральном направлении, в увязывании макро- и микроуровневой социально-экономической системы по иным правилам игры.

Однако этот конструктивный политический вклад в трансформацию экономических институтов может и не быть внесен, ибо, как свидетельствует исторический опыт, между преобразованиями институтов экономических и политических нет однозначной взаимосвязи. Так, М.Фридман заключает, что капитализм есть необходимое, но не достаточное условие политической свободы. В фашистских Италии и Испании, Германии нескольких периодов, Японии перед первой и второй мировыми войнами, в царской России до первой мировой войны господствующей формой экономической организации было частное предпринимательство, но эти стра-

ны не были политически свободными¹. Более свежий пример сочетания рынка в экономике с авторитаризмом в политике – пиночетовский режим в Чили. Неудачи реформ в России на фоне успешности экономических преобразований в Китае также опровергают тезис о необходимости установления демократии как предварительном условии утверждения рыночной экономики. В последние годы переход к рыночной экономике был более успешным именно при авторитарных режимах, поэтому можно утверждать, что рыночная экономика в принципе совместима с любыми политическими режимами².

В современном российском обществе положительная взаимосвязь между трансформацией политических и экономических институтов представляется особо проблематичной в связи еще и с тем, что за демократичными по форме политическими институтами скрываются далеко не демократичные социальные реалии. Выборы на альтернативной основе сопровождаются манипулированием поведением избирателей, давлением на кандидатов и неверием больших групп избирателей в честность подсчета голосов. Территориальная децентрализация управления нередко граничит с феодализацией страны из-за слабого развития структур гражданского общества, местного самоуправления и др. "Свободные" СМИ активно отстаивают интересы своих владельцев, а свободные ассоциации граждан, отстаивающие универсальные цели, малочисленны и слабы³.

3. Неактуальность и нелегитимность для большей части экономических субъектов низшего уровня (индивидов и домохозяйств) провозглашенных институционально-правовых изменений. Если "административно-командные" правила игры большинством советских граждан воспринимались как легитимные (которые при желании можно усовершенствовать, как только возникнут "узкие места") и отторгались очень немногими, то к провозглашенным в ходе реформ социально-экономическим правам большая часть экономических субъектов низшего уровня (индивиды и домохозяйства) оказалась в лучшем случае индифферентной. Особенно велика эта доля в селе. Так, 42% опрошенных нами жителей сибирских сел⁴ утверждают, что их вполне устраивали прежние права и никакие из новых прав им не нужны. Взятые в отдельности ни одно из провозглашенных в ходе реформ социально-экономических прав пока не является значимым для большинства селян. Максимальная поддержка составляет 29% опрошенных (относительно возможности приватизировать жилье), но чаще всего она не превышает 20%. Жители крупного города демонстрируют более высокую заинтересованность в новых правах. Только 11% из них указали, что их вполне устраивали прежние права и никакие из новых прав им не нужны. Другое отличие горожан — гораздо большая доля сторонников всех провозглашенных в ходе реформ прав. Правда, 50%-й барьер преодолело только право приватизировать квартиру, приобрести и иметь в личной собственности жилье (58%), которое занимало первое место и в селе.

Ведущая роль социально-экономических прав (по сравнению с правами социально-политическими) поддерживается положительным откликом на право работать в нескольких местах без разрешения с места основной работы (42%), которое в крупном городе — с его многообразием рабочих мест — намного актуальнее, чем в селе (15%). Более трети (36%) находят важным право создать собственное дело и вести его на свой страх и риск (19% — в селе). Среди немаловажных для горожан оказались и другие социально-экономические права: частной собственности на землю (29% против 19% — в селе) и на другие средства производства (17% против 8% — в селе), самостоятельного решения работать или не работать (26% против 15% — в селе), право производителей самим определять объемы производства, цены на продукцию, размеры заработной платы (22% против 15% — в селе). 28% сочли важным право на хорошую медицинскую помощь за счет развития платной медицины, а 10% — право получить образование за деньги, на контрактной основе (в сельском массиве таких подсказок не было).

Таким образом, в настоящее время большая часть экономических субъектов низшего уровня находит значимыми те или иные новые права, в то время как другая (также весьма многочисленная) считает их неважными и ненужными. Первых больше в городе, вторых — в селе. В крупном городе отчужденность от новых экономических прав менее заметна за счет "делающих погоду" двух прав: возможности приватизировать жилье и права работать в нескольких местах без разрешения с основной работы. *Неактуальность провозглашенных в ходе реформ прав – серьезный барьер для их институционализации и важный фактор формирования неправовых норм социальных взаимодействий.*

4. Ослабился контроль со стороны государства за соблюдением правовых норм; власти разных уровней сами активно нарушают законные права рядовых граждан. Провозглашение новых прав, которые должны были бы охраняться силой государства, по времени, напротив, совпало с ослаблением роли последнего

¹ Friedman Milton. Capitalism and Freedom / With the assistance of Rose D. Friedman. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1982. P.10.

² Гаджиев К.С. Эпоха демократии? // Вопросы философии. 1996. № 9. С.6.

³ Стратегия для России: повестка дня для Президента - 2000. М.: Изд-во Вагриус, 2000. С. 16-17.

⁴ Здесь и далее приводятся данные серии социологических обследований, проведенных в городской и сельской местности Новосибирской области и Алтайского края. Выборочная совокупность городского населения (602 чел., 1998, 1999 гг.) репрезентирует генеральную по полу и возрасту трудоспособного населения. Информационной базой сельских исследований стали данные серии социологических обследований, проведенных ИЭ и ОПИ СО РАН в Алтайском крае (один сельский район - 1995 г.) и Новосибирской области (один сельский район и малый город - 1996 г., два сельских района - 1997 г.). Выборочная совокупность репрезентирует генеральную по полу, возрасту и уровню образования взрослого населения (1995г., 344 чел.) и населения трудоспособного возраста (1996г., 340 чел.), по полу и возрасту взрослого населения (1997г., 551 чел.).

в защите как новых, так и унаследованных из прежней общественной системы прав. В результате новые права сегодня реализуются в условиях отсутствия надежных институциональных механизмов защиты интересов не только слабых, но и сильных социальных групп, роста произвола, вседозволенности, безнаказанности. Так, только 1,5% экономических субъектов за последние 3-4 года не сталкивались с ущемлением своих прав. Причем большая их часть (42%) указала, что в современных условиях законные права нарушаются чаще, чем до реформ (26% — что это происходит примерно так же и только 5% — что реже).

Более того, в современных условиях власти разных уровней сами нарушают законные права граждан и даже солидаризируются друг с другом в разного рода неправовых взаимодействиях: незаконном расходовании бюджетных средств, заключении заведомо убыточных для России договоров, продаже на невыгодных условиях объектов госсобственности, принятии "неправовых законов" и проч. Так, по результатам проверки Рострудинспекции предприятий, где задерживалась зарплата (1996 г.), уголовные дела за незаконные задержки возбуждены лишь в 1% случаев. А в следующем году в новом Уголовном кодексе (1997 г.) наказание за задержку зарплаты и вовсе было отменено.

Как показало наше исследование, среди нарушителей законных прав безусловно лидируют центральные власти: на них указали 59% респондентов. Следом идут руководители предприятий, организаций, фирм (45%), местные органы власти и органы правопорядка (милиция, ГИБДД, прокуратура и др.), набравшие равное число голосов (по 35%). Сегодня ситуация такова, что среди нарушителей прав граждан органы правопорядка встречаются почти вдвое чаще, чем нарушители правопорядка, с которыми они призваны бороться (35 против 19%). В целом с нарушением прав властями разных уровней за последние 3-4 года столкнулись 89% респондентов.

Лишь незначительно уступает им частота нарушения прав в преимущественно *горизонтальных* социальных взаимодействиях, участники которых формально не связаны отношениями господства-подчинения (83%). Среди последних безусловно лидируют работники торговли и других учреждений сферы обслуживания (51%), на втором месте – работники жилищно-коммунального хозяйства (33%), на третьем – негосударственные финансовые организации (банки, фонды), а также работники здравоохранения, набравшие соответственно 28 и 26% голосов, и др.

В среднем каждый респондент называл 3-4 субъектов (вертикальных и горизонтальных), нарушавших за последние 3-4 года его законные права. Виды и формы нарушения прав также многообразны. Абсолютное большинство (85%) называют экономические нарушения и ущемления, а именно: несвоевременность выплаты заработной платы, пенсий, пособий (66%), утрату денежных сбережений, хранившихся в банках (44%), а также кабальные налоговые законы (22%). Почти половина (47%) сослалась на общую разрушительную политику "верхов" в стране как нарушающую их права, 34% — на невыполнение обязательств, обман со стороны властей (например, в ходе расчета за произведенную по государственному заказу продукцию и др.), 21% — на бессилие властей в защите законных прав рядовых граждан и почти столько же (19%) — на нежелание властей делать это.

На этом фоне проявления своеволия чиновников, — будь то необоснованные запреты и задержки прохождения дел во властных органах или вымогательство денег, подношений, услуг за решение вопроса, набравшие соответственно 8 и 6% голосов, — казалось, выглядят чуть ли не завоеванием нового времени. Однако, по нашим данным, за защитой (сохранением) своих прав в местные и центральные органы управления обращались всего лишь 12 и 2% респондентов соответственно. Иными словами, с произволом чиновников столкнулся более чем каждый второй из числа обратившихся в органы власти.

На уровне предприятий (организаций, фирм) вслед за нарушениями прав в области оплаты труда идет несоблюдение руководством законов в области режима, условий труда, техники безопасности (17%), угрозы или "мирный" предлог для увольнения в ответ на попытку отстоять законные права (13%) или уже случившееся несправедливое увольнение с работы (8%). Не случайно поэтому почти половина работающих респондентов (48%) сегодня чувствуют себя более зависимыми от руководителя предприятия (организации, фирмы), чем это было до реформ.

В условиях роста преступности, а также произвола, безнаказанности, бездействия и бессилия властей как сильные, так и слабые экономические субъекты мало рассчитывают на обращение к властям как способ защиты своих прав даже тогда, когда защита этих прав входит в компетенцию власти. Так, в сельской местности на *потенциальную* помощь местных властей в настоящее время рассчитывает лишь 6% респондентов, а в городе и того меньше – 3%; на центральные власти надеются соответственно 2 и 1%, а на правоохранительные органы – 8 и 12%. *Реальная* помощь встречается еще реже. В то же время самостоятельная защита своих прав в большинстве случаев (73%) чаще всего или всегда безуспешна, особенно если субъектами правонарушений выступают власти разных уровней.

В результате в настоящее время неправовые социальные взаимодействия — устойчивая, постоянно воспроизводящаяся часть системы социальных взаимоотношений. Они достаточно прочно интегрированы в современный трансформационный процесс, в формирующуюся систему общественных отношений и стали важным элементом нового институционального пространства.

5. Ослабился не только вертикальный, но и горизонтальный контроль за правильностью исполнения ролевых ожиданий. В периоды кардинальных общественных преобразований межгрупповые различия в нормативных системах особенно возрастают: разные социальные группы имеют весьма различные представления о том, за какие правовые и моральные рамки не должны выходить взгляды и модели поведения других

групп, равно как и их собственные, какие способы социальных действий заслуживают наказания (порицания), а какие — нет. Новые ролевые рамки и правила игры еще не окрепли, что делает ролевую систему *меняющегося, нестабильного* общества слабым гарантом соблюдения провозглашенных прав и правил игры. Типичное для многих ролей поведение еще окончательно не оформилось, а если и оформилось, то нередко не совпадает с формально ожидаемым. Во всяком случае, в нем велика доля "личностного" и "временного" элементов. Большая вариантность, которая допускается сегодня в выполнении определенных социальных ролей, отчасти связана с особенностями переходного периода. Процесс институционализации новых ролей (и старых ролей в новых условиях) еще не закончен, так что "потенциальные игроки", намеревающиеся вступить в игру, действуют в условиях большой неопределенности: они либо не знают всех правил, либо хотя и знают, но не всегда могут рассчитывать на них.

Увеличиваются и несоответствия между ценностными ориентациями индивидов и теми социальными нормами, которым они вынуждены следовать. *Поскольку новые ролевые ожидания не соответствуют правовым и моральным нормам, разделяемым многими индивидами, ролевые отклонения не сказываются отрицательным образом ни на оценке индивидами самих себя, ни на оценке их "значимыми другими"*.

По данным наших обследований в восточных регионах страны, более частое нарушение правовых норм вообще становится одним из основных видов реактивно-адаптационного поведения (термин взят у Т.И.Заславской⁵) разных групп населения к тем условиям, в которых они оказались в ходе реформ. В частности, мелкие хищения с производства, совхозного поля, стройки основной частью (65%) сельского населения, не получающего зарплату от полугода до 2 лет, не осуждаются: *"Нечем кормить детей, с голоду им что ли помирать?!", "Пусть берут побольше, все равно это ихнее, они больше ничего не получают — работают за так"; "Осуждать их не надо — их правительство к этому привело [воровать, грабить]"; "Рабочего не осуждаю, а начальство — осуждаю: они не за кусок хлеба тянут"; "Тут сумочку возьмешь, а они [начальство] машинами везут"*. В крупном городе таких 62%. Другие исследователи также фиксируют хорошую осведомленность населения о незаконных способах достижения желаемых целей, готовность воспользоваться ими и включенность в них⁶.

Пока еще включение в неправовые социальные действия повышает внутренний дискомфорт у больших групп населения (по крайней мере, у половины) и обостряет проблему социальной адаптации к этой ситуации: *"Стыдно, но жить-то надо. Вот дотацим последнее, с чем останемся — не знаем"*. В то же время многие респонденты (на селе более 2/5) хотят, чтобы их дети и внуки не испытывали этого "комплекса вины", критически относились к законам и, если нужно, не боялись отступать от них, ибо "законные решения редко решают человеческие проблемы". Выжившие в неправовом социальном пространстве предприниматели не только научились, но и уже привыкли утаивать доходы (*"это стало делом чести"*; *"государство сильнее, а бизнес — хитрее"*). Иными словами, отклонение от правовых норм постепенно становится "неписаной нормой" новой системы для представителей самых разных социальных групп, проникает в институты социализации молодого поколения.

6. Воспроизводство "административно-командных" правил игры в новых условиях. Даже если бы провозглашенные реформаторами цели совпадали с реализуемыми ими на практике, элементы инерционности, которые сопутствуют трансформациям любых социально-экономических систем, неизбежно внесли бы определенные коррективы. В самом деле, в современных условиях в "новых" правилах игры нередко легко обнаруживают себя старые — унаследованные от административно-командной системы модели отношений в проблемных ситуациях. Взаимоотношения равноправных субъектов подменяются личными договоренностями (улаживаниями), когда одна сторона "просит", "умоляет", "подносит", а другая — "соизволяет", "делает милость", "повелевает", "постановляет". Показателен в этом отношении опыт бывшего вице-премьера правительства РФ А. Заверюхи, курировавшего сельское хозяйство. Он на себе испытал все чиновничьи преграды, решив после отставки заняться фермерством: *"4 месяца пришлось потратить, чтобы получить все бумаги. В бытность работы в Москве я знал, что чиновники чинят фермерам преграды, но чтоб такие... Каждый хочет показать, что он тут самый главный"*. Последнюю необходимую подпись у директора хозяйства А.Заверюха получил лишь после того, как прибегнул к физической угрозе⁷.

Воспроизводству прежних моделей социально-экономических взаимодействий содействует, в частности, то, что властные элиты в ходе реформ, как известно, в значительной степени сохранили свой состав. Кроме того, состояние производственной, инфраструктурной, финансовой и расселенческой подсистем таково, что они сами являются благоприятствующими факторами для воспроизводства в новых условиях старых (административно-командных) отношений — как на низших⁸, так и на верхних уровнях властной иерархии. В настоя-

⁵ Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш.школа соц. и экон. наук. М., 1997. С. 283–299.

⁶ Меджеский А.А., Гирин С.А., Мизерий А.И. Граждане и эксперты о коррупции // Социологические исследования. 1999. №12. С.87–88; Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. 1999. Том 4. №1. С.13, 19–20; Рыбкина Р.В. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Том 4. №1. С.32–33.

⁷ Аргументы и факты. 1998. № 11. С.6.

⁸ Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. С.299–303.

щее время из 89 регионов 79 – дотационные, что вынуждает губернаторов, как и прежде, приезжать в Москву к распределяющим деньги чиновникам "на поклон"⁹.

7. Слабость протестного потенциала рядовых экономических субъектов, столкнувшихся с нарушением формальных "правил игры". Вопреки расхожему мнению о правовой пассивности российских граждан, 66% из их числа все же предпринимали какие-либо действия по восстановлению своих законных прав (против 33% даже не пытавшихся что-либо сделать). Однако у абсолютного большинства из их числа (73%) эти действия *чаще всего* или *всегда* были безуспешными. Успех чаще сопутствовал тем, кто подвергся нарушению своих прав не в вертикальных, а в горизонтальных социальных взаимодействиях. Отстоять же законные права, если их нарушают руководители того или иного уровня, удавалось немногим: только 2-3% респондентов — в случае нарушения права на своевременность выплаты заработной платы или детских пособий; 14% — в случае несправедливого увольнения или угроз увольнения в ответ на попытку заявить о своих законных правах; 8% — в случае несоблюдения руководством законов в области режима, условий труда, техники безопасности. Из числа же пострадавших от незаконных действий органов правопорядка сумели восстановить свои законные права лишь 6%.

Одна из причин пассивности одних и безуспешности правозащитных действий других состоит в том, что субъектами правонарушений в большом числе случаев, как уже говорилось, являются *власти* разных уровней, а противостояние им (даже законное), как не без оснований считают респонденты, либо бесполезно, либо/и небезопасно и может быть сопряжено со многими значимыми потерями, незащищенностью, ростом жизненных препятствий и трудностей. Так, почти 3/4 респондентов уверены в том, что если их законные права нарушит человек, у которого больше власти (чем у них), то отстаивание этих прав еще более ухудшит их положение.

Другая, тесно связанная с этой, причина состоит в том, что в современных условиях очень часто индивиды вынуждены отстаивать свои права самостоятельно, не рассчитывая на помощь тех, в чьей компетенции защищать эти права. В результате 43% из числа пытавшихся восстановить ущемленные права указали, что им никто не помог сделать это, хотя они и нуждались в такой помощи (против 11% самостоятельно отстоявших свои права и заявивших, что они и не нуждались ни в чьей помощи). Вообще, защита своих прав сегодня — дело индивидуально-семейное и часто неформальное. Наиболее массовые помощники – друзья и родственники (26 и 25% соответственно).

Слабость (отсутствие) организованных социальных движений за права человека и работника также вынуждает значительное большинство населения доступными им способами *приспосабливаться* к новой ситуации. Опросы общественного мнения постоянно фиксируют тенденцию к адаптации как *наиболее массовую и наиболее привычную*: "средний", "массовый" человек другого ориентира не имеет даже в условиях самых острых кризисов и катастроф¹⁰.

8. Нестабильность, изменчивость "правил игры", их неформальность. Эта важная черта современного институционального пространства в действительности аккумулирует ряд частных его особенностей. Во-первых, нестабильность *официальных правил игры*, которая связана как с незавершенностью (отлаживанием) перехода к институционально-правовому пространству западного образца, так и с отступлениями от первоначально заявленных "правил игры". Во-вторых, большая роль *личной компоненты*, которая вносит элемент неопределенности в официальные правила игры и, устойчиво воспроизводясь, становится важным атрибутом современного институционального пространства. В-третьих, развитие *неформальных норм* трудовых взаимодействий в формальной и теневой экономике.

Большая роль личной, неформальной компоненты отчасти объясняется тем, что институциональные реформы осуществлялись верхушкой старой номенклатуры, "партийная закалка" которой обнаруживала себя в решении многих вопросов не по закону, а по прихоти. Власти разных уровней и в новых условиях демонстрировали свою волю, "царственным жестом" идя на незаслуженные уступки одним и воздвигая неоправданные запреты (препятствия) другим. Эта практика сохранялась не только на местах, но и культивировалась сверху. Так, средства массовой информации активно транслировали всесильность Президента, который во время поездки по стране, "мог на капоте какого-нибудь трактора подписать указ о финансировании неизвестного никому заказа, неизвестно из каких ресурсов и неизвестно с какими последствиями"¹¹.

* * *

Прежде, чем продолжить анализ, подытожим главные особенности макроизменений в институциональном пространстве, с которыми столкнулись экономические субъекты микроуровня.

Совершенно очевидно, что, несмотря на *незавершенность* институциональных преобразований, *нестабильность* официальных правил игры и их *нелегитимность* для большей части индивидов, современное институциональное пространство существенно отличается от дореформенного благодаря тем шагам, которые были сделаны по формированию новых экономических и политических институтов. Вместе с тем степень продвижения к институциональному пространству западного образца отнюдь не такова, как могло бы показаться,

⁹ Кто правит Россией? Интервью с С.Собяниным // Аргументы и факты. 1998. №30. С. 4.

¹⁰ Левада Ю.А. 1989-1998: десятилетие вынужденных поворотов // Куда идет Россия?..Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: Логос, 1999. С.125.

¹¹ «Серый кардинал» и его ПАПА. Геннадий Бурбулис вспоминает о годах работы с Борисом Ельциным. Беседовал Дмитрий Макаров // АиФ, №30, 2000, С.8.

если судить по формальным признакам тех или иных институтов, которые уже сегодня можно обнаружить в российской действительности. В современном институциональном пространстве многое из того, что официально провозглашалось, отсутствует, в то время как имеется многое из того, что не провозглашалось и с точки зрения долговременных целей реформ является нежелательным.

Главное, пожалуй, состоит в том, что три основных системообразующих института общества — экономика, политика и право — в ходе современных реформ подверглись преобразованиям в неодинаковой степени и неодновременно, и сегодня в самом удручающем положении находится именно право. Его отставание от других институтов не только сказывается на пределах и направлениях трансформации последних, но и снижает возможности больших групп экономических субъектов адаптироваться к новым условиям.

Правовой нигилизм, как принято считать, всегда был присущ российской общественной традиции. "Не я виноват, — писал В.О.Ключевский, — что в русской истории мало обращают внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права"¹². В отличие от западной общественной и научной традиции, где "свобода есть право делать то, что дозволено законами" (Ш.Л.Монтескьё), и "мы должны стать рабами закона, чтобы быть свободными" (Цицерон), одной из характерных черт не только российской практики, но и российской мысли, напротив, было отрицательное или пренебрежительное отношение к праву¹³. Вспомним, что в глазах славянофилов право было "внешней правдой", которая заменяет человеческую совесть полицейским надзором; Герцен рассматривал неуважение к праву как историческое преимущество русского народа, свидетельством его внутренней свободы и способности построить новый мир; русские анархисты считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия; и др.¹⁴ Правовой беспредел царит и в современной реформируемой России. По сравнению с дореформенным периодом разница состоит лишь в том, что расширение свободы слова и права на достоверную информацию о состоянии дел в стране повысили уровень информированности населения о произволе и беззаконии в разных сферах жизнедеятельности и на разных уровнях иерархии. Но даже те, кто поверил, что теперь информирован действительно обо всем, сегодня признает свою правовую беспомощность: "*мы теперь всё знаем: кто сколько своровал, кто взятку взял, кто войну начал, но знаем и то, что за это никого не наказывают*". Право сильного пронизывает новое институциональное пространство российского общества.

Выделенные особенности современного институционального пространства свидетельствуют о том, что в их формировании участвуют экономические субъекты самых разных уровней. Стремясь реализовать свои цели и интересы, они используют доступные их социальной позиции ресурсы и вносят свою лепту в формирование новых или сохранение старых прав и правил игры. Это связано с тем, что провозглашаемые властями *правовые нормы* — лишь один из элементов социального института или системы социальных институтов. Даже если эти нормы и будут охраняться властями (государственный контроль за соблюдением правовых норм — также важный элемент социальных институтов, который, впрочем, в современных условиях дает огромные сбои), они *всегда* оставляют субъектам микроуровня определенную свободу выбора действий — как в рамках этих правовых норм, так и при выходе (в том числе и безнаказанном) за эти рамки. Поэтому в реальных институциональных сдвигах велика роль еще одного элемента социальных институтов, а именно: неформальных норм и правил, отражающих социокультурные особенности и специфику условий жизнедеятельности самых разных социальных субъектов. Иными словами, отклонение декларированных целей от результатов институциональных преобразований зависит не только (и даже не столько) от реформаторской деятельности правящей элиты, сколько от трансформационной активности субъектов — представителей массовых общественных групп. Роль субъектов микроуровня в институциональных преобразованиях наиболее отчетливо обнаруживается, если обратиться к теории трансформационного процесса Т.И.Заславской¹⁵.

3.2 Теория трансформационного процесса о месте субъектов микроуровня в институциональных изменениях

Т.И. Заславская исходит из того, что суть и особенности происходящего в России процесса наиболее адекватно выражает понятие *социальной трансформации общества*. В отличие от *целевого реформирования* обществ, когда сохраняется их типологическая идентичность, в ходе социальной трансформации в конечном счете меняется *социальный тип* общества. Поэтому социальная трансформация общества — более сложный и менее изученный процесс, чем реформирование.

¹² Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С.68.

¹³ Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. 1991. №8. С. 25–40; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995; и др.

¹⁴ Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX века // Вопросы философии. 1991. №8. С. 25.

¹⁵ Мы рассмотрим лишь один аспект данной теории — о месте субъектов микроуровня в институциональных переменах. Целостное изложение данной теории см.: Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш.школа соц. и экон. наук. М., 1997. С. 283–299 (или: Социологический журнал. 1995. №3. С.5-21); Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С.149–167, и др.

Итак, под *социальной трансформацией* понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социетального типа общества.

К главным отличительным особенностям трансформации Т.И. Заславская относит:

- направленность на изменение не отдельных частных сторон, а *сущностных* черт, определяющих *социетальный тип общества*;
- постепенность и относительно мирный характер протекания;
- неизбежность, длительность и глубину аномии, обусловленной опережением разложения старых социальных институтов по сравнению с созданием новых;
- принципиальную зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп;
- слабую управляемость и предсказуемость процесса, важную роль стихийных факторов его развития, непредрежденность его итогов¹⁶.

Эмпирическим референтом понятия "социетальный тип общества" служит "система общественных институтов". В теории Т.И.Заславской тип общества задается качеством следующих *базовых институтов*:

- а) степенью легитимности, демократичности и эффективности власти;
- б) структурой, развитием, легитимностью и защищенностью собственности;
- в) многообразием и зрелостью структур гражданского общества;
- г) широтой и надежностью прав и свобод человека¹⁷.

Как известно, власть и собственность присутствуют в большинстве классификаций базовых социальных институтов. В данном случае они дополняются двумя "не общепринятыми", но, думается, крайне важными для понимания и отслеживания современного трансформационного процесса в России институтами. Ибо одной и той же конфигурации власти и собственности могут отвечать принципиально различные качества структур гражданского общества и прав человека. Можно, например, сильно укрепить исполнительную власть или быстро трансформировать отношения собственности, но сделать это за счет ущемления экономических и политических прав граждан – на основе унаследованных из прежней, административно-командной, системы правил игры. Именно поэтому в теоретической схеме Т.И.Заславской подчеркивается важность *одновременного* присутствия всех этих базовых институтов, преобразование которых считается и прямым результатом, и фактором современного трансформационного процесса.

Непосредственным фактором институциональных изменений служат не столько целенаправленная деятельность элит – ведь, как показывает опыт, деятельность даже опытных реформаторов почти никогда не ведет к намечаемым целям, — и обусловленное ею поведение массовых групп населения, сколько сложные *массовые трансформационные процессы*, концентрирующие итоги *разнонаправленной*, но и *взаимосвязанной* деятельности *множества социальных субъектов*. Примерами таких многосубъектных процессов могут служить ход приватизации, развитие предпринимательства, распространение безработицы, поляризация доходов, рост трудовых затрат, натурализация семейного потребления, развитие забастовочного движения и др.¹⁸ Массовое поведение оказывает решающее воздействие на трансформацию социальных институтов. Фактически трансформацию любого социального института можно представить как результат устойчивой взаимосвязанной деятельности множества социальных субъектов в соответствующей сфере общественной жизни.

В этом смысле успех реформ зависит от адекватного понимания реформаторами закономерностей протекающих в обществе спонтанных процессов. А для этого необходимо понять, какие субъекты вносят свою лепту в их протекание, каковы интересы и потребности этих субъектов, в каких условиях они действуют, с какими субъектами и по каким правилам чаще всего взаимодействуют при достижении значимых жизненных целей. В трансформационном процессе участвует очень много действующих групп и лиц, наделенных собственной волей и особыми интересами, поэтому в центре теории Т.И. Заславской – *социальный механизм* этого процесса, который "включает субъектов, инициирующих социальную трансформацию общества, содержание их социальных действий, а также взаимосвязь этих целенаправленных действий с массовыми процессами, вызывающими сдвиги в институциональной и социальной структурах общества"¹⁹.

В зависимости от характера влияния на трансформационный процесс *субъекты делятся на три группы*: правящую элиту, социально зрелых и активных представителей массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев, и остальную часть общества. Каждая группа по-разному участвует в трансформационном процессе. Правящая элита занята *целевой реформаторской деятельностью* (изменением правовых и административных норм, определяющих "правила игры"). Активные представители массовых общественных групп – *массовой инновационно-предпринимательской деятельностью* (т.е. использованием, развитием, закре-

¹⁶ Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб.предприятие РАН, 1999. С.149-150.

¹⁷ Там же. С.150.

¹⁸ Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш.школа соц. и экон. наук. М., 1997. С. 288 –289.

¹⁹ Там же. С.284, 285.

плением новых норм и правил). Остальная часть общества оказывает влияние на общественные преобразования через *реактивно-адаптационное поведение*, т.е. выбор и реализацию доступных этим субъектам способов адаптации к изменившимся условиям²⁰.

В результате, в соответствии с теорией Т.И. Заславской, институциональные перемены реализуются примерно по следующей схеме. В ходе целевой реформаторской деятельности правящей элиты и верхнего слоя бюрократии разрабатываются новые правила игры, эти же группы облачают их в правовую форму и контролируют выполнение формальных правовых норм. Группы, включающиеся в массовую инновационно-предпринимательскую деятельность (предприниматели, менеджеры, чиновники, профессионалы экономической и юридической сфер и др.), реализуют открываемые новыми правилами игры возможности, частично закрепляют, а частично и корректируют проектируемые "верхами" правила игры в направлении собственных интересов. Тем самым они оказывают воздействие не только на реализацию установленных сверху правовых норм, но и на сам процесс формирования новых правил игры²¹. Своей инновационной деятельностью эти группы изменяют условия жизнедеятельности и возможности выбора способов адаптации к новым условиям для *массовых* общественных групп, которые непосредственно не причастны к инновационно-предпринимательской деятельности. Пытаясь приспособиться к новым условиям, эти группы с разным успехом апробируют различные способы поведения. Наименее эффективные из них отменяются, а наиболее эффективные со временем обретают все большее число сторонников, постепенно становятся устойчивым и массовым элементом новой социальной реальности, указывая на трансформацию прежнего институционального пространства.

Таким образом, многочисленные массовые субъекты микроуровня, включенные в адаптационное и реактивно-протестное поведение, также играют важную роль в институциональных изменениях. Только на первый взгляд эти многочисленные общественные группы не оказывают самостоятельного влияния на ход институциональных реформ и являются скорее их "заложниками", испытывающими "похмелье в чужом пиру". Однако впечатление о малой роли этих групп в трансформационных процессах в известном смысле обманчиво, так как в действительности они формируют отнюдь не нейтральную по отношению к направленности реформ социальную среду. В зависимости от ситуации, эта среда способна либо ускорять и поддерживать институциональные перемены, проектируемые и реализуемые более активными группами общества, либо отчуждаться от них и не принимать в них участия, либо сознательно саботировать выполнение не отвечающих ее интересам правил, активно противодействовать их внедрению, де-факто сохранять прежние или формировать новые нелегитимные правила поведения. Поэтому восприятие проводимых реформ массовыми группами населения, их социальное настроение и поведение служат важнейшими характеристиками трансформационного процесса, во многом определяющими ход и результаты реформ²².

То место, которое занимают субъекты микроуровня в институциональных изменениях, порождает множество вопросов, на которые нам предстоит ответить, если ставится задача определить закономерности и перспективы институциональных трансформаций. Какие способы адаптации к новым условиям экономические субъекты микроуровня сегодня находят наиболее эффективными? Какие из этих способов в настоящее время получили наибольшее распространение и устойчиво воспроизводятся? Насколько востребованными в этих способах экономического поведения оказываются новые права и правила игры? Какие правила игры, в принципе, сегодня наиболее распространены при реализации как инновационных, так и традиционных адаптационных стратегий? Каким правилам-нормам экономические субъекты микроуровня следуют добровольно, а каким – вынужденно, и будь у них выбор (например, правовая защита со стороны государства, выбор места работы в монофункциональных поселениях, сбережения и др.) не стали бы этого делать? Иными словами, какие правила игры экономические субъекты уже интернализовали, а какие – нет (а без этого невозможна полная институционализация новых правил)? И каково обратное воздействие реализуемых моделей экономического поведения на характер и перспективы институционализации новых прав и неправовых норм в экономическом пространстве?

Итак, нам предстоит рассмотреть двоякого рода связи между экономическим поведением субъектов микроуровня и изменениями институциональной среды. Во-первых, необходимо выявить, как сказываются произошедшие институциональные изменения на тех экономических решениях, которые чаще всего принимают домохозяйства и индивиды, стараясь адаптироваться к новым условиям (будь то распоряжение своими доходами, сбережениями, трудом или временем)? Каковы институциональные и неинституциональные факторы и институциональные и неинституциональные ограничения их выбора? А во-вторых, одновременно мы будем пытаться определить вклад экономических субъектов микроуровня в институциональные перемены.

²⁰ Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С.149, 153-154.

²¹ Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. №6. С.16; Заславская Т.И. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ.ред. Т.И.Заславской. М.: 2000. С.223.

²² Заславская Т.И. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ.ред. Т.И.Заславской. М.: 2000. С. 223-224.

3.3 Современный адаптационный процесс и проблемы институционализации новых прав и правил игры

3.3.1 Типология микросубъектов в зависимости от уровня и результативности адаптации

Поскольку новое институциональное пространство, как мы видели, таково, что делает стремление экономических субъектов низшего уровня (и индивидов, и домохозяйств) адаптироваться к нему пусть и вынужденным, но единственно эффективным и универсальным стремлением, а результаты адаптации, в свою очередь, в значительной степени скажутся на глубине и перспективах институциональных перемен в последующем, то характер адаптированности к новым условиям в данном случае становится одним из центральных вопросов. В зависимости от уровня и результативности адаптации (динамики значимых возможностей за годы реформ) объединим субъектов микроуровня в три основных типа.

1. "**Прогрессивные адаптанты**" — так назовем тех, кто в новых условиях уже обрел более или менее надежные способы решения (смягчения) жизненных проблем, причем эти способы таковы, что улучшают возможности индивидов жить наиболее подходящим для них образом. Иными словами, они уже воспользовались преимуществами нового институционально-правового (и/или неправового) пространства, и адаптация к нему принесла им больше приобретений, чем потерь. Среди респондентов трудоспособного возраста в крупном городе их 18%, в разных сельских районах — от 7 до 22%.

2. "**Регрессивные адаптанты**" — сегодня также более или менее справляются со своими проблемами, но те способы решения (смягчения) жизненных проблем и трудностей, которыми они овладели, позволяют освоиться с новыми условиями лишь регрессивно, то есть с превышением совокупного "значимого минуса" над совокупным "значимым плюсом" (иными словами, значимых потерь над значимыми приобретениями). В сельской местности это пока самый многочисленный тип адаптантов — 57% и более. В тех сельских районах, где он был относительно малочисленным (16-17%), он "уступал" по числу представителей только "регрессивным НЕадаптантам". В крупном городе этот тип, хотя и не охватывает абсолютного большинства, но также наиболее наполнен — 29% трудоспособного населения.

3. "**Регрессивные НЕадаптанты**" — у представителей этого типа в настоящее время нет надежных способов преодоления (смягчения) жизненных проблем и трудностей, они не знают, как жить в тех условиях, в которых очутились сегодня (и тем более окажутся завтра). Разумеется, их возможности жить так, как они сами считают наиболее подходящим для себя, за годы реформ уменьшились. Среди респондентов трудоспособного возраста "регрессивных НЕадаптантов" в городе — 18%, в сельской местности — 17% и более в Новосибирской области и 56% — на Алтае.

Постепенно нарастает доля затруднившихся оценить динамику своих возможностей за годы реформ, независимо от уровня адаптированности к современным условиям: в крупном городе она сегодня достигает 16%. В основном — это вступающая в трудоспособный возраст молодежь, которая не имеет исходной точки для сравнения: "не помню то время", "я еще учился в школе", "в школьные годы над этим особо не задумываешься", "затрудняюсь, я был молод и романтичен", "плохо помню ту жизнь", "мне не с чем сравнить" и др. Весьма многочисленна и доля индивидов, сохранивших статус-кво (14% — в городе, 9% — в селе), которых, как и группу затруднившихся с оценкой динамики своих возможностей, здесь рассматривать не будем.

С точки зрения выявления степени и перспектив институционализации новых правил игры, а также институциональных факторов и ограничений при принятии индивидами экономических решений, представляется важным акцентировать два аспекта.

Первый — выделенные типы субъектов микроуровня значительно различаются по оценке актуальности новых прав. Среднее число прав, которые нашли важными "прогрессивные адаптанты", равнялось 5,6 (против 3,5 в каждом из "регрессивных" типов). По среднему же числу недостающих прав они, напротив, уступают другим типам (4 против 6-7). Так что происшедшие за годы реформ изменения в институционально-правовом пространстве большинство "прогрессивных адаптантов" (93%) находят благоприятными для себя и ни от каких новых прав взамен возвращения старых отказываться не готовы (77%). Примечательно, что в среднем каждый представитель этого типа уже воспользовался тремя новыми правами (против 1,4 — 1,7 в регрессивных типах).

Второй — неправовое социальное пространство "прогрессивных адаптантов" коснулось в гораздо меньшей степени: многие из них полагают, что в современных условиях их шансы на защиту важных прав даже выше, чем до реформ (41% против 3-5% в регрессивных типах). Во всяком случае, по их мнению, отстаивание своих прав дело хотя и хлопотное, но не безнадежное (75%). Только 16% считают, что сегодня их права нарушаются чаще, чем до реформ (против 59 и 67% у регрессивных адаптантов и НЕадаптантов).

В целом значимое социальное пространство в современных условиях они в большинстве случаев (62%) рассматривают, как "препятствующее", по крайней мере, не более чем дореформенное: 31% считает, что современные ограничители преодолевать легче (против 20 и 13% у регрессивных адаптантов и НЕадаптантов), для стольких же и те и другие одинаково трудно преодолимы (против 24 и 14%), и только 12% называет легче преодолимыми дореформенные ограничители (против 49 и 67% в регрессивных типах).

Правда, добровольные адаптации в данном типе, хотя и превосходят все остальные типы (15% против 2-3%), все же характерны для меньшинства. В механизмах социальной адаптации большинства (63%) есть как

добровольные, так и вынужденные элементы ("и того, и другого примерно одинаково"), против 27 и 15% в регрессивных типах. Практически каждый пятый (22%) адаптируется к новым условиям преимущественно вынужденно, только потому, что не в его силах изменить ситуацию (против 69-83% в других типах). Однако вынужденные механизмы адаптации представителей этого типа к новым условиям не мешают ей складываться в целом конструктивно и расширять индивидуальные возможности в значимых сферах жизнедеятельности. Такое соотношение между механизмами и результатами адаптационного процесса подкрепляется не только сиюминутными преимуществами, которые данная группа смогла извлечь из новых условий, но и оптимизмом относительно будущего. Основная часть (61%) прогрессивных адаптантов убеждена в преимуществах нового по сравнению со старым ("*а трудности есть везде и всегда*"). Еще 37%, хотя пока до конца не уверены в преимуществах нового, все же надеются на лучшее.

Прежде чем продолжить исследование, необходимо договориться о том, кто же из экономических субъектов низшего уровня – раз речь идет об их *институциональном* анализе — будет выступать единицей анализа: домохозяйство или/и индивид?

3.3.2 Домохозяйство и индивид: выбор единицы анализа

Разные типы домохозяйств способны извлечь разные преимущества от институциональных преобразований (формальных и неформальных, правовых и неправовых) и могут в разной степени влиять на их ход, равно как и избегать неблагоприятных последствий. Они в разной степени включены в рыночную экономику. Так что принадлежность к тому или иному типу домохозяйства значимым образом сказывается на экономических возможностях и решениях индивида. Но означает ли это, что в случае институционального анализа экономических субъектов низшего уровня достаточным является уровень домохозяйств?

Перспективы интернализации новых правил игры, без чего невозможна их полная институционализация, в значительной степени определяются сравнительной ценностью для *индивидов* прав новых и старых, обретенных и утраченных. Результаты такого сравнения оказались более сильно связанными с уровнем адаптированности *индивидов* к новым условиям, чем даже динамика материального положения *домохозяйства* за годы реформ и вклад конкретного индивида в его изменение (коэффициенты Крамера соответственно составили 0,543; 0,488; 0,486).

В то же время разные типы *домохозяйств* играют неодинаковую роль в пополнении разных типов адаптирующихся к новым условиям *индивидов*. Наиболее сильная связь (коэффициент Крамера = 0,488) наблюдается с типами домохозяйств, выделенными по динамике их экономических возможностей за годы реформ. В соответствии с этой типологией все домохозяйства делятся на три основных типа: *нисходящие* (главное для них — выживание, они с трудом удовлетворяют даже минимальные потребности, и до того жизненного уровня, какой был до реформ, им пока далеко) – 48%; *стабильные* (им удастся сохранять прежний уровень жизни, все усилия направлены на его поддержание) – 40% и *восходящие* (сохранение прежнего жизненного уровня не составляет проблемы, сегодня они стремятся его повысить) – 12%. Оказалось, что в современных условиях среди *прогрессивных адаптантов* доля индивидов из *восходящего* и *стабильного* на материальной оси типов *домохозяйств* составила соответственно 41 и 48%, в то время как среди *регрессивных адаптантов* – 3 и 37% (против 0 и 10% у *НЕадаптантов*).

Профессионально-должностной статус домохозяйства (по члену семьи, который занимает самую высокую должность) и *отраслевой статус домохозяйства* (по члену семьи, который занят в относительно более преуспевающей отрасли), а также *статус домохозяйства по степени включенности в рыночную экономику* играют важную, но менее значимую роль (коэффициенты Крамера составили соответственно 0,323; 0,359; 0,222). Хотя, разумеется, при прочих равных условиях индивиды из домохозяйств с более высоким профессионально-должностным статусом или из домохозяйств более преуспевающего отраслевого типа имеют более широкий спектр выбора как на рынке потребительских товаров, так и на рынке труда. А разные профессионально-должностные и отраслевые типы домохозяйств обнаруживают неодинаковую интенсивность попадания в восходящие и нисходящие на экономической оси домохозяйства.

Так, домохозяйства-"руководители" в большинстве случаев (74%) либо сохранили свой жизненный уровень на прежнем уровне (45%), либо повысили его (29%), в то время как домохозяйства-"квалифицированные рабочие" и домохозяйства-"неквалифицированные рабочие" чаще всего его понижали (в 61 и 69% случаев соответственно). По вкладу в формирование "восходящего" на экономической шкале типа домохозяйства руководителей превосходят домохозяйства специалистов в 1,9 раза (39 против 21%), домохозяйства квалифицированных рабочих – в 2,6 раза (15%), а домохозяйства неквалифицированных рабочих – в 28 раз (1, 4%). В целом динамика экономических возможностей *домохозяйств* чуть более сильно связана с их профессионально-должностным статусом (по члену семьи, который занимает самую высокую должность), чем с профессионально-должностным статусом *индивида* (коэффициент Крамера = 0,240 и 0,222 соответственно).

В отраслевом разрезе лидируют домохозяйства, где имеются занятые в финансово-кредитной сфере. В большинстве случаев (93%) за годы реформ они либо сохранили свой жизненный уровень неизменным (42%), либо его повысили (51%). Стабилен материальный статус домохозяйств, где имеются занятые в управлении (70% из числа этих домохозяйств его сохранили, 10% — повысили). А вот отраслевые типы домохозяйств, члены которых заняты в промышленности, строительстве, городском транспорте, жилищно-коммунальном хозяй-

стве, здравоохранении, просвещении, культуре, органах правопорядка, в большинстве случаев понизили свой экономический статус (от 51 до 62%).

Итак, индивиды из более благополучных в экономическом отношении типов домохозяйств при прочих равных условиях имеют больше возможностей для распоряжения своими усилиями и временем, будь то создание своего дела или, напротив, работа по любимой, но мало оплачиваемой специальности. В нашем случае особенно важно, что они в большей степени ценят провозглашенные в ходе реформ социально-экономические и политические права, чаще интернализируют их, чем индивиды из нисходящих в экономическом отношении домохозяйств. Ибо "права человека немногочисленны, если они не подкреплены минимальным уровнем благосостояния"²³. Профессионально-должностной и отраслевой типы домохозяйства также сказываются на шансах его попадания в восходящие или нисходящие на экономической оси типы, а также на экономических возможностях и уровне адаптированности *индивидов* к новым условиям.

Но означает ли сказанное выше, что единицей институционального анализа экономических субъектов низшего уровня должно стать *домохозяйство*? Думается, что нет. Влияя на экономические возможности и решения индивида, домохозяйство является *необходимой*, но *не достаточной* единицей анализа. В действительности в принятии экономических решений индивиды чаще всего обладают относительной независимостью от типа домохозяйства. Они не меняют работу и не используют незаконных способов адаптации к новым условиям, даже если их домохозяйство относится к регрессивным, а семья разрушается (так, 53% индивидов из нисходящего на экономической оси типа домохозяйств за годы реформ ни разу не меняли профессию, в то время как в восходящем типе таких было гораздо меньше — 34%). Они отстаивают свои экономические права, конфликтуя с начальством, даже если это и грозит потерей работы и снижением экономического статуса домохозяйства ("*меня это не остановит*"). Они благословляют детей обучаться своей специальности ("*идти по стопам родителей*", пусть и "*воспроизводя бедность*") в надежде на будущие изменения к лучшему ("*когда-нибудь общество воздаст по заслугам врачам, учителям, ученым, ведь без них нельзя*"). Они мало отдыхают и много работают (и зарабатывают) даже тогда, когда у домохозяйства нет в этом потребности, ибо другие его представители устойчиво обеспечивают хороший экономический тыл. Наконец, в каждый момент времени статус *домохозяйства* (экономический, профессионально-должностной, отраслевой, рыночный или какой-либо еще) сам по себе в значительной степени является результатом реализованных экономических стратегий *индивидов* в предшествующий период времени, их ценностных предпочтений, отношения к новым правам, правилам игры, активности или пассивности в меняющихся условиях и др.

Как показали эмпирические исследования, на уровень и результативность адаптации к новым условиям профессионально-должностной, отраслевой и материальный статусы *индивида* оказывают не менее сильное воздействие (коэффициенты Крамера 0,332, 0,399 и 0,486), чем профессионально-должностной, отраслевой и материальный статусы его *домохозяйства* (коэффициенты Крамера 0,323, 0,359 и 0,488). Кроме того, самую сильную связь с уровнем и результативностью адаптации к новым условиям обнаруживают вовсе не эти статусные особенности индивидов или домохозяйств. И даже не уровень специального образования или возраст индивидов. Наиболее сильна связь с оценкой индивидом характера изменений в системе значимых прав за годы реформ (0,543), а также тесно связанными с нею оценками изменений в статусе "*хозяина своей судьбы*" (0,519) и степени удовлетворенности изменением уровня самостоятельности за годы реформ (0,409). Велика роль оценки преимуществ нового по сравнению со старыми, включая надежду на лучшее будущее (0,493), и тех изменений в институционально-правовом статусе индивида, которые связаны с динамикой шансов на защиту важных для него прав за годы реформ (0,412). Результаты этих оценок аккумулируют не просто динамику институционально-правовых (и неправовых) возможностей индивида (усиленную или ослабленную статусом его домохозяйства), а динамику *значимых* возможностей, т.е. возможностей, пропущенных через сито ценностно-нормативной системы *индивида*.

В принципе, выбору единицы институционального анализа экономических субъектов низшего уровня должно было бы предшествовать изучение механизмов принятия экономических решений внутри домохозяйств. Какие решения члены домохозяйства принимают чаще всего коллективно, а какие — индивидуально; как часто и в каких случаях индивиды идут наперекор интересам других представителей домохозяйства; какие индивиды идут, а какие — нет? Какие изменения в механизмах принятия экономических решений, в степени сплоченности (разобщенности) домохозяйств происходят в ходе реформ? К сожалению, на этом этапе исследования подобная информация у нас отсутствует.

Однако сказанного выше, думается, достаточно, чтобы заключить, что для понимания стратегий экономических субъектов низшего уровня в новом институциональном пространстве необходимо вести анализ и на уровне домохозяйств, и на уровне индивидов. На уровне домохозяйств — в тех случаях, когда необходимо выявить институциональные факторы и ограничения потребительского или финансового поведения, где "сильные" решения членами домохозяйства чаще всего принимаются коллективно. На уровне индивида — когда исследуются проблемы институционализации новых экономических прав, воспроизводства неправовых норм в современном экономическом пространстве; в значительной степени — при анализе институциональных факторов и ограничений поведения экономических субъектов на рынке труда, в сфере занятости и др. В целом же,

²³ Элстер Й. Влияние прав человека на экономическое развитие // Российский бюллетень по правам человека. Проектная группа по правам человека. М., 1994. Вып. 4. С. 6.

думается, что в случае *институционального* анализа (в отличие от анализа сугубо микроэкономического) чаша весов все же больше склоняется в пользу индивида, чем домохозяйства. В этом случае домохозяйство выступает в качестве фактора или ограничителя экономических решений индивида. Фактора (ограничителя) — важно, но не единственного.

3.3.3 *Массовые адаптационные стратегии и проблемы институционализации новых прав и правил игры*

Успешность адаптации к новым условиям, с одной стороны, свидетельствует об успешности освоения экономическими субъектами низшего уровня нового институционального пространства, а с другой — является залогом устойчивости и дальнейшего углубления процесса институционализации новых прав и правил игры. Поэтому для определения социального потенциала институциональных реформ, который сегодня имеется в российском обществе, необходимо прежде всего выявить различия в адаптационных стратегиях разных типов адаптантов, оценить внешние и внутренние факторы (и ограничения) при принятии ими экономических решений, а также институциональные условия и перспективы расширения числа прогрессивных адаптантов.

Прежде всего, отметим, что в динамике затрачиваемых усилий в новых условиях по сравнению со старыми между прогрессивными и регрессивными типами адаптирующихся сегодня много общего. В большинстве случаев трудовые усилия возросли как у тех, так и у других. Так, более половины "*прогрессивных адаптантов*", "*регрессивных адаптантов*" и "*НЕадаптантов*" (56, 64 и 65% соответственно) за последние 3-4 года стали больше работать по месту основной работы; 14, 10 и 9% соответственно — работают в нескольких местах; велика доля лиц, использующих любую возможность подзаработать (41, 39 и 49% соответственно). Однако между этими группами немало и отличий. За последние 3-4 года "*прогрессивные адаптанты*" гораздо чаще, чем представители регрессивных типов, повышали квалификацию (33% против 14-16%), обучались другой профессии/специальности (19% против 5-8%), переходили на работу в частную фирму или к частному лицу (15% против 4-5%), создавали и расширяли свое дело (13% против 0). В это время "*регрессивные адаптанты*" и "*НЕадаптанты*" больше трудились на садово-огородном участке, в личном подсобном хозяйстве (25 и 36% против 12% у "*прогрессивных адаптантов*"), они чаще увеличивали нагрузку на основной работе.

Иными словами, успешность адаптации к новым условиям связана с различиями не столько в *объеме* трудовых усилий, сколько в *стратегиях* реализации *возросших* трудовых усилий. Увеличение трудовых затрат у "*прогрессивных адаптантов*", даже если оно и происходило по месту основной работы, чаще было сопряжено с активным осваиванием *нового* профессионального и нетрадиционного социального пространства (повышением квалификации, переобучением, сменой места работы, созданием своего дела и др.). Экономические субъекты из регрессивных типов чаще увеличивали свои усилия в *традиционном* профессиональном и социальном пространстве: работа по прежней профессии, с прежней квалификацией, не в частных структурах, возрастание занятости на садово-огородном участке и личном подсобном хозяйстве. Не случайно поэтому абсолютное большинство "*регрессивных адаптантов*" и "*НЕадаптантов*" (78 и 90%) указали, что за годы реформ у них стало больше жизненных трудностей и препятствий, которые им преодолеть пока не под силу (против 30% у "*прогрессивных адаптантов*"), а основная их часть (49 и 67%) считает, что дореформенные жизненные трудности и ограничения легче было преодолевать, чем современные (против 12% — у "*прогрессивных адаптантов*"). Воспроизводство *прежних* моделей трудового поведения, несмотря на рост трудовых усилий в формальной и неформальной сферах, зачастую не позволяет им удержаться на плаву, не дает извлечь каких-то значимых преимуществ от новых условий.

Другим дифференцирующим фактором являются различия между "*прогрессивными*" и "*регрессивными*" экономическими субъектами в *ценностно-нормативном отношении*. Частично они, разумеется, уже нашли отражение в отмеченных различиях в стратегиях трудового поведения. Здесь же имеются в виду различия в сравнительной *важности прав новых и старых*, а также в допускаемых *способах* достижения значимых жизненных целей в меняющемся институциональном пространстве.

"*Прогрессивные адаптанты*" придают гораздо большую значимость провозглашенным в ходе реформ социально-экономическим и политическим правам, чем представители регрессивных типов (табл. 3.1). Особо велики различия между ними в отношении той важности, которая отводится праву на создание своего дела, частной собственности на средства производства и жилье, праву самому решать, работать или не работать, а хозяйствующим субъектам — самим определять объемы производства, цены на продукцию и размеры заработной платы. Существенны различия и в той значимости, которая придается возможности уехать за границу и беспрепятственно вернуться, а также выражать свои взгляды по любым вопросам, отстаивать свои убеждения и др.

Различия в значимости, которая придается новым правам, в свою очередь, отражают различия в пространстве значимых жизненных возможностей экономических субъектов, а также различия в полезности, придаваемой новым правам и правилам игры для продвижения в этом пространстве в современных условиях. Как видно из содержания провозглашенных в ходе реформ прав, они по природе своей предполагают включение индивидов в *самостоятельные и независимые действия и состояния*. Поэтому степень и перспективы интернализации и институционализации новых прав будут существенно определяться местом самостоятельности и независимости в значимом жизненном пространстве экономических субъектов в современных условиях, будь

то: *самоценность* подобных действий и состояний или признание их более эффективным *способом* (по сравнению с менее самостоятельными и более зависимыми социальными действиями и состояниями) достижения действительно важных в данный момент целей (ценностей).

На первом месте по частоте упоминания в значимом жизненном пространстве — и у "прогрессивных", и у "регрессивных" экономических субъектов – возможность улучшить материальное положение семьи (65 и 82-85% соответственно) и стабильность жизни, дающая уверенность в завтрашнем дне (61 и 73-75%). Однако если "прогрессивные" экономические субъекты в большинстве случаев (60%) добавляли сюда еще и самостоятельность, возможность занять такие позиции в обществе, которые позволяют быть хозяином своей судьбы, рассчитывать на свои силы и инициативу, то "регрессивные адаптанты" и "НЕадаптанты" включали эту ось в значимое жизненное пространство значительно реже (28 и 22% соответственно).

Таблица 3.1

**Актуальность провозглашенных в ходе реформ прав,
% к респондентам данного типа (N=602)**

Права	"Прогрессивные адаптанты"	"Регрессивные адаптанты"	"Неадаптанты"	Все респонденты
Создать свое дело	64	20	18	36
Частная собственность на землю	32	23	22	29
Частная собственность на другие средства производства	30	10	9	17
Самому решать, работать или не работать	36	21	22	26
Работать в нескольких местах без разрешения с основной работы	46	41	40	42
Производителям самим определять размеры производства, цены на продукцию, размеры зарплаты	28	20	14	22
Приватизация квартиры, купля-продажа жилья	64	49	51	58
Получить хорошую медицинскую помощь на платной основе	35	22	18	28
Платное образование	8	5	5	10
Свобода выбора места жительства, перемещений по стране	36	27	34	36
Уехать из страны и беспрепятственно вернуться	57	24	32	38
Забастовки, митинги, акции протеста	12	14	17	13
Свобода выражать свои взгляды	52	34	33	39
Достоверная информация о состоянии дел в стране	43	36	40	41
Свободное вступление в разные партии, движения, союзы	16	8	11	10
Новые права не нужны	0	17	25	11

Самостоятельные и независимые социальные действия и состояния вообще в большинстве случаев лежат пока за пределами значимого жизненного пространства. Возможность быть самостоятельным, рассчитывать на свои силы и инициативу, быть хозяином судьбы среди важнейших назвали лишь 36% респондентов – горожан трудоспособного возраста, а возможность противодействовать несправедливым действиям руководства вообще оказалась на предпоследнем месте, набрав всего 9% голосов. Примечательно, что в сельской местности наблюдалась аналогичная картина (33 и 6% соответственно). Относительно невысокая значимость самостоятельности и независимости – даже на фоне демонстрируемой лояльности экономических субъектов к либеральным правам, — сама по себе уже указывает на то, что при сохранении нынешних условий эти права еще долго будут занимать второстепенное место в значимом жизненном пространстве индивидов или же вообще находиться за его пределами.

На втором месте как у "прогрессивных", так и у "регрессивных" микросубъектов, – возможность получить (или дать детям) хорошее образование (51 и 56–58% соответственно) и работать по подходящей профессии, специальности (50 и 55–57%). На третьем месте – безопасность жизни (42 и 41–50%) и улучшение жилищных условий (44 и 35–46%), которые у "регрессивных" экономических субъектов дополнялись возможностью получить хорошую медицинскую помощь (47–54%), а у "прогрессивных" — трудовой самореализацией, работой в полную силу, реализацией способностей (44% против 31–35% у "регрессивных").

Таким образом, в значимом жизненном пространстве экономические субъекты из регрессивных типов относительно чаще делают акцент на материальной, образовательной и медицинской осях, а также оси стабильности жизненных позиций. Отличительная особенность "прогрессивных адаптантов" – в той важности, которую они отводят осям самостоятельности и трудовой самореализации, то есть изменениям в возможностях *социального действия* в новых условиях в сравнении со старыми. Примерно в равной мере обе группы принимают во внимание профессиональную, жилищную ось и ось безопасности.

А вот многие из в принципе значимых для индивидов возможностей не попали в группу важнейших и находятся сегодня на обочине значимого жизненного пространства. Так обстоит дело с возможностью поступать по своим моральным принципам, убеждениям (22% у "прогрессивных" и 10-12% у "регрессивных"), возможностью отстаивать свои права законными способами (20 и 14-19%), противодействовать несправедливым действиям руководства, быть независимым от него (3 и 9-18%), открыто отстаивать свои взгляды и убеждения (13 и 6-12%), регулярно ездить в другие поселения на отдых, к родным (9 и 16-21%), мигрировать (9 и 1%) и др. Периферийное место этих возможностей в значимом жизненном пространстве индивидов определяет относительно неблагоприятные перспективы институционализации и интернализации многих провозглашенных в ходе реформ неэкономических прав.

Что касается социально-экономических прав, то, судя по тому, что ядро значимого жизненного пространства индивидов приходится на пространство социально-экономическое, их шансы на интернализацию и институционализацию, в принципе, выше, чем у остальных прав, хотя при одном "но". Эти шансы реализуются только в том случае, если указанные права и предполагаемые ими новые правила игры будут облегчать продвижение экономических субъектов в *значимом* для них отношении или/и предоставлять им ранее неведомые значимые возможности. Как часто обращаются к провозглашенным в ходе реформ правам экономические субъекты низшего уровня, пытаясь достичь значимых для себя целей в новом институциональном пространстве?

В реальной жизни к новым правам обратилась пока относительно небольшая часть социальных субъектов. "Пик" приходится на приватизацию (30% в городе, 36% — в селе) или покупку жилья (10% — в городе, 3% — в селе). На возможность работы на предприятии, которое само определяет объемы производства (что, впрочем, мало зависит от их выбора), указали 31% респондентов. В частное лечебное учреждение или к частному врачу обращались 21% респондентов. Столько же считают, что получают более полную информацию о состоянии дел в стране, в своем поселении (в селе таких 10%). Еще 16% городских жителей свободно, не опасаясь наказания, выражают и отстаивают свои убеждения (в селе их в два раза меньше — 8%); 13% работают (работали) в нескольких местах без разрешения с места основной работы (в селе — 2%). Использование остальных новых прав, как правило, не превосходило 10%-го барьера. Примечательно, что доля участвовавших в забастовках (3%) и подписывавших воззвания против тех или иных решений властей (4%) в городе и селе примерно одинакова. Однако в городе гораздо шире распространены иные формы протестных действий: митинги, акции протеста (7%). Вступление в добровольные объединения, движения, партии наблюдалось в единичных случаях в городе и совсем не обнаружилось в селе. Одинакова доля городских и сельских жителей, которые имеют (или имели) собственное дело — 5%.

Таким образом, степень активного погружения в новое институционально-правовое пространство сегодня невелика. Конечно, она выше у "прогрессивных адаптантов", чем у "регрессивных". Первые, как уже отмечалось, чаще реализовывали право на создание собственного дела (13% против 0–2%) и работу в нескольких местах без разрешения с места основной работы (26% против 8–10%). Они чаще приватизировали ранее имевшуюся квартиру (38% против 20–29%). Имея более высокий материальный статус, они чаще покупали квартиры (19 против 4–7%), ездили за границу (24 против 1%), учились сами или обучали детей в платном учебном заведении (16 против 2–4%), обращались в частное лечебное учреждение или к частному врачу (45 против 8–11%). Наконец, они чаще, чем "регрессивные адаптанты" и "НЕадаптанты" воплощали в жизнь право свободно, не опасаясь наказания, выражать свои взгляды, отстаивать убеждения (27 против 7–10%) и др. Однако эти различия между типами не нарушают общей тенденции: в современных условиях повсеместно все права, по существу, реализуются в гораздо меньшей степени, чем можно было бы ожидать исходя из заявленной их значимости. Так, возможность работать на предприятии, которое само определяет объемы производства, цены, зарплату, реализовали 43% городских жителей трудоспособного возраста из числа тех, кто находит это право важным. Работают (работали) в нескольких местах без разрешения с места основной работы 24% из числа тех, кто указал на это право как на значимое; 13% — имеют (имели) собственное дело (в селе — 21%). Приобрели в частную собственность земельный участок 20% из числа назвавших это право значимым. Относительно многочисленна и доля тех, кто приватизировал квартиру — 39% из числа тех, кто находит это право важным. Ровно столько же обращалось к тем или иным формам протестных действий (забастовки, митинги, акции протеста, подписи воззваний). Не опасаясь наказания, свободно выражают существенное для них

право на свои убеждения 31% респондентов. Получают более полную и достоверную информацию о состоянии дел в стране, в своем поселении 25% из числа тех, кто указал на это право как на важное. Обратились к частному врачу 32% из числа тех, кто отнес к значимым право на хорошую платную медицинскую помощь. Учатся сами или учат детей в платном учебном заведении, на контрактной основе 23% из тех респондентов, для которых это право важно.

Правда, есть два экономических права, реализуемых гораздо большим числом лиц по сравнению с тем, кто находит эти права важными: возможность работы на предприятии, которое само определяет объемы производства, цены, зарплату; а в селе – возможность приватизировать жилье. В самом деле, для наемных работников право руководителей предприятий самостоятельно регулировать размеры зарплаты сегодня нередко оборачивается полным бесправием по отношению к начальству. А приватизация жилья в селе в большом числе случаев была вынужденной: селян заставили приватизировать квартиры в совхозных домах, эти квартиры (дома) сняли с обслуживания, возникшая же при этом "собственность" не ликвидна: уезжая, ее не продашь. В этих случаях включение в новое институционально-правовое пространство не сказывалось благоприятным образом на динамике значимых жизненных возможностей индивидов и их домохозяйств, а потому и не ценится ими.

В целом только 9% (как в городе, так и в селе) из числа тех, кто нашел те или иные провозглашенные в ходе реформ права важными, уже воспользовались всеми ими. Почему же не воспользовались важными для них правами остальные?

Одни (19%) просто еще не успели и отмечают, что для осуществления значимых для них новых прав сегодня, в принципе, нет особых препятствий (среди "прогрессивных адаптантов" таких 39%, среди "регрессивных адаптантов" и "неадаптантов" – 12 и 4%). Другим помешал возраст, состояние здоровья, семейные обстоятельства (9%), а также недостаток знаний, опыта, внутренняя неготовность (16%).

В то же время велики барьеры и ограничения на пути к новым правам, зависящие от внешней среды. Каждый четвертый респондент не воспользовался важными правами потому, что они существуют лишь "на бумаге", в действительности же пока нет условий для их реализации; 26% не могут реализовать новые права потому, что пока нет надежных механизмов защиты их интересов со стороны государства. Причем менее сильные "регрессивные" типы нуждаются в таких механизмах в 1,5–1,6 раза чаще, чем "прогрессивные". На первое же место (46%) все типы экономических субъектов ставят отсутствие возможностей реализовать новые права из-за недостатка (отсутствия) у них нужных денежных накоплений, возможностей взять кредит и др. Среди "прогрессивных адаптантов" этот ограничитель назвали 29%, а среди "регрессивных адаптантов" и "неадаптантов" – соответственно 42 и 49%.

Важно отметить, что данный ограничитель сам в значительной степени порожден теми правилами игры, которые реализовывали реформаторы и которые неоднократно приводили к утрате экономическими субъектами их личных сбережений, нарушению права на своевременность выплаты заработной платы. С последним, в частности, столкнулись 85% "неадаптантов", 74% "регрессивных адаптантов" и 51% "прогрессивных адаптантов".

Другая причина, обусловившая низкую доступность новых прав, равно как и социоструктурные различия в степени их доступности, связана с особенностями институционально-структурной политики реформаторов. Ее следствием явились, в частности, большие различия между "прогрессивными" и "регрессивными" типами экономических субъектов по отраслевой принадлежности места работы, а также профессионально-должностному статусу. Не случайно отличительная особенность "прогрессивных адаптантов" – высокая доля занятых в финансово-торговой сфере (31%). Если в других типах в сфере финансов не занят никто, то здесь – почти каждый пятый (18%). По доле занятых в торговле (13%) он также обгоняет другие типы: в 1,6 раза "регрессивных адаптантов" и в 4,3 раза – "регрессивных НЕадаптантов". А вот доля занятых в промышленности здесь наименьшая (12%) и уступает регрессивным типам соответственно в 2,5 и 3,4 раза. Почти каждый четвертый "прогрессивный адаптант" – руководитель, а каждый третий – специалист. Причем по доле руководителей в своем составе они намного превосходят регрессивные типы: почти в 2 раза "регрессивных адаптантов" и в 8 раз "регрессивных НЕадаптантов". По доле специалистов превышение — в 1,5 раза. Доля рабочих здесь, напротив, минимальна: неквалифицированных – почти нет, а квалифицированных – лишь 14%, что в 3,2 — 3,7 раза меньше, чем в регрессивных типах.

В меняющемся обществе глубина приверженности новым правам и правилам игры в значительной степени определяется сопоставлением их с правами утраченными, с правами, которых сегодня индивидам недостает. В настоящее время экономические субъекты всех типов, и в особенности регрессивных, активно демонстрируют нехватку ряда социально-экономических прав, многие из которых у них имелись в дореформенный период (табл. 3.2).

Готовы ли экономические субъекты низшего уровня в современных условиях отказаться от каких-либо новых прав в обмен на возвращение старых? Специфика институционально-правовых предпочтений как "прогрессивных", так и "регрессивных" экономических субъектов состоит в том, что в этих предпочтениях сегодня соседствуют не всегда совместимые элементы: индивиды хотят обрести новые права, но не потерять старые (права-гарантии). Они не готовы отказаться от тех или иных новых прав ради возвращения старых, но и старых прав терять не хотят, что, разумеется, не всегда возможно. Так, никто из "прогрессивных адаптантов" и лишь 21–23% "регрессивных" адаптантов и Неадаптантов готовы отказаться от *всех* новых (провозглашенных в ходе реформ) прав взамен возвращения старых. Поэтому, в полном соответствии с теорией Джека Брема, психоло-

гическое реактивное сопротивление населения будет возникать как в случае отказа от новых прав, так и в случае невозвращения ликвидированных прав-гарантий. И это негативно будет сказываться как на устойчивости ролевых ожиданий и строгости санкций за отклонение от них, так и на субъективных оценках экономическими субъектами динамики своей свободы в условиях реформ. Не случайно из теории Д. Брема следует, в частности, что опаснее предоставлять народу свободы на некоторое время, чем не предоставлять их вообще; добавлю от себя, что не менее опасно провозглашать новые права, не создав условий и механизмов их реализации.

Таблица 3.2

**Значимые права, которых в современных условиях недостает,
% к респондентам данного типа (N=602)**

<i>Права</i>	<i>"Прогрессивные адаптанты"</i>	<i>"Регрессивные адаптанты"</i>	<i>"Неадаптанты"</i>	<i>Все респонденты</i>
Гарантированная государством занятость, отсутствие угрозы безработицы	42	62	66	58
Гарантированный государством доход в размере прожиточного минимума	15	36	43	32
Гарантированный государством доход, обеспечивающий достойный уровень жизни	56	71	78	67
Своевременность выплаты заработной платы, пенсии, пособий	51	74	85	68
Право на стабильные цены, устанавливаемые государством	38	66	73	59
Бесплатная медицинская помощь	21	69	76	55
Бесплатное образование	24	58	60	50
Защита законных прав органами правопорядка	53	50	59	51
Право на личную безопасность	51	52	55	50
Право отзыва неугодного депутата	9	21	32	17
Добровольность службы в армии	29	20	31	27
Право на достоверную информацию о состоянии дел в стране, в своем поселении	14	22	39	23

Трансформация институционального пространства определяется не только актуальностью и масштабами обращения к новым правам на практике, но и теми *правилами игры*, которые при этом реализуются (формируются) – будь то: доступные (вынужденные и предпочтительные) механизмы обращения к новым правам, способы защиты значимых прав в случае ущемления со стороны других экономических субъектов, отказ (временный или устойчивый) от обращения к новым правам и реализация (предпочтение) иных стратегий экономического поведения и пр.

Особенность современной ситуации состоит в доминировании *неправовых и неформальных* способов поведения в новом институциональном пространстве. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о тех стратегиях защиты (сохранения) своих прав, которые индивиды сегодня находят более эффективными для людей своего положения и круга. Что это за способы?

Многие вообще не видят никаких способов: 36% – в городе, 59% – в селе. Большая часть (42%) открыто признали: скорее, обход законов, чем следование им ("нужда закона не знает", "нужда закон нарушает", "государство сильнее, а бизнес хитрее"), в том числе 19% высказались за сочетание незаконных способов с законными. И только 26–29% все еще твердо убеждены, что "законы превыше всего", а потому уповают исключительно на законопослушные способы восстановления нарушенных прав и освоения нового институционально-правового пространства.

Среди незаконных средств восстановления прав велика роль материальной компоненты. Почти половина (47%) респондентов к числу наиболее эффективных способов защиты прав отнесла деньги ("все продается

и покупается", "за правду плати и за неправду плати"), хотя 15% из их числа при определенных условиях и допускают возможность защиты прав без денег. В настоящее время только 24% опрошенных твердо уверены в том, что "берут у того, кто дает" и что можно отстоять свои права и без денег (или других подношений).

При этом абсолютное большинство (72%) настроено на мирное, по возможности, решение вопроса ("стену лбом не прошибешь", "дракою прав не добудешь"). Напротив, 14% находят более эффективным применение силы или угрозы расправы ("кто не защищает отважно оружием своего водоема, у того он будет разрушен") – исключительно или в сочетании с мирными способами защиты своих прав (7 и 7% соответственно).

В способах восстановления законных прав коллективные способы явно доминируют над индивидуальными: 54% полагают, что "один в поле не воин", и только 11% — "кто как хочет, а я по-своему". Еще 17% высказались за сочетание одного с другим.

Судя по всему, предполагается, что подобные "коллективы" невелики, скорее, это помощь друзей и знакомых. По крайней мере, 38% из числа тех, кто за последние 3–4 года пытался как-нибудь защитить (сохранить) свои права, вынужден был решать свои проблемы через знакомых. Массовые формы открытого протеста (забастовки, митинги, собрания и др.) не очень популярны. Только на них указали 20% респондентов, а на их сочетание со скрытым противодействием – еще 9%. Примечательно, что скрытое противодействие по принципу "и тихая вода крутые берега подмывает" (менее интенсивный и качественный труд, уход от дополнительных нагрузок, протест при тайном голосовании и др.) признается еще менее эффективным. На этот некогда популярный способ сегодня указали лишь 12% респондентов. Сейчас работники гораздо чаще предпочитают либо демонстрировать открытую лояльность руководителям, пытаясь не портить с ними отношений, чтобы не потерять работу (17–21% — в городе, 34–38% – в селе), либо просто терпеть и ожидать, что со временем все наладится (31%). Сильное отставание протестного потенциала от показателей социального недовольства фиксируют и другие исследователи²⁴. В этих условиях многие из новых прав (включая свободу выражать свои взгляды, отстаивать убеждения, право на забастовку, митинги, акции протеста и др.) остаются весьма далекими от реального жизненного пространства индивидов.

Относительная успешность освоения нового институционального пространства "прогрессивными адаптантами" в немалой степени связана с тем, что они значительно чаще прибегают к неформальным способам восстановления (или сохранения) своих прав. Так, 37% из их числа уже решали эти проблемы через знакомых (против 23 и 19% у "регрессивных адаптантов" и "неадаптантов"); 18% доплачивали (деньгами, подарками и пр.) за ускорение решения проблем, связанных с защитой своих прав (против 8 и 6% у "регрессивных адаптантов" и "неадаптантов"). А вот не портить отношений с руководством, чтобы не потерять работу, "прогрессивные" экономические субъекты стремятся гораздо реже "регрессивных" (10 против 19–22%).

Другая отличительная особенность "прогрессивных адаптантов" в том, что они не только активнее обращаются к новым правам и неформальным способам их сохранения, но и значительно чаще, чем представители регрессивных типов, комбинируют самые разные стратегии освоения нового институционально-правового пространства. В 2 раза чаще они сочетают обход закона со следованием ему; в 1,7–3,6 раза чаще – обращение к властям с защитой своих прав, минуя властные коридоры; в 1,8–3,9 раза чаще – коллективные способы защиты прав с индивидуальными; в 1,4–2,8 раза чаще – восстановление ущемленных прав за деньги с отказом от каких бы то ни было подношений и др. В целом "прогрессивные адаптанты" в 1,7–2 раза реже, чем экономические субъекты из регрессивных типов, в случае нарушения их прав ничего не предпринимали, ибо это бесполезно (20% против 34–41%).

3.3.4 Современный адаптационный процесс и перспективы институциональных перемен

Итак, экономические субъекты низшего уровня вносят важный вклад в институционализацию как новых экономических прав, так и неформальных, часто неправовых, норм социально-экономических взаимодействий в современных условиях. Благодаря той области свободы, которой (формально и неформально) располагают экономические субъекты разных уровней, они "примегают на себя" новое институциональное пространство и в поисках своей социальной ниши по мере сил "перекраивают" его, внося коррективы (порой существенные) в формальные и реальные правила игры.

Судя по частоте реального обращения экономических субъектов низшего уровня к провозглашенным в ходе реформ правам, возникает впечатление, что первые шаги по трансформации институционального пространства в западном направлении уже сделаны. В самом деле, новые права стали необходимым атрибутом нового институционального пространства. Однако, если судить по доминирующим моделям поведения экономических субъектов низшего уровня, глубина институциональных трансформаций отнюдь не такова, как могло бы показаться, если исходить из формальных признаков. Современное институциональное пространство напоминает западное больше по форме, чем по содержанию.

Явное несоответствие между формой и содержанием связано прежде всего с тем, что, обращаясь к новым правам или пытаясь отстоять свои законные права, экономические субъекты в большом числе случаев включаются (вынужденно или добровольно) в такие правила игры, которые принципиально отличаются от предписываемых западной общественной традицией. Причем даже в тех случаях, когда обращение к новым

²⁴ Кинсбургский А.В. Социальное недовольство и потенциал протеста // Социологические исследования. 1998. №10. С.94.

правам выступало способом *конструктивной* адаптации к новым условиям. В доминирующих моделях поведения – и в случае обращения к новым правам, и в случае нарушения (защиты) значимых социально-экономических прав — устойчиво отражаются (воспроизводятся) старые отношения господства-подчинения, а также неформальные (в т.ч. незаконные) способы достижения важных жизненных целей. До моделей поведения, присущих равноправным партнерам, им, разумеется, далеко.

Использование новых прав в современных условиях нередко сопряжено не с уменьшением, а, напротив, с еще большим усилением зависимости от властей, а также с ростом незащищенности как от противоправных действий властей, так и от сугубо преступных элементов. Поэтому в настоящее время обращение к новым правам в большом числе случаев либо небезопасно, либо означает потери и дополнительные препятствия, способные затруднить продвижение индивидов (домохозяев) в более значимом жизненном пространстве.

Спрос на некоторые новые права носит отложенный характер, несмотря на лояльное к ним отношение. В ходе современных реформ большие группы лишились первостепенных социально-экономических прав, и в этих условиях им либо вообще нет дела до "западных" прав, либо они, хотя и желаемы, но не доступны. В значимом жизненном пространстве сегодня доминируют социально-экономические компоненты (цели, интересы, факторы, ограничители) над социально-политическими. Не случайно поэтому в значимом институционально-правовом пространстве лидируют *социально-экономические* права (новые или утраченные старые).

Современные адаптации экономических субъектов представляют собой преимущественно самостоятельный (индивидуально-семейный) процесс. В настоящее время регрессивная динамика, независимо от адаптированности или неадаптированности, превалирует даже у лиц, избравших основным способом адаптации к новым условиям увеличение трудовой нагрузки (на основной и дополнительной работе, на садово-огородных участках и ЛПХ, и др.). Низкая результативность добровольных и вынужденных социальных адаптаций свидетельствует о том, что опора только на собственные силы не позволяет индивидам успешно преодолевать современные ограничители свободы (в том числе и неправовые), и это сдерживает институциональные реформы. Поэтому в перспективе возрастание прогрессивных и добровольных адаптаций, а также снижение доли неадаптантов будет зависеть не столько от индивидуальных усилий людей, сколько от особенностей институционально-структурной политики государства, влияние которой будет смягчаться или усиливаться статусными факторами домохозяйств и индивидов (территориальными, профессионально-должностными, отраслевыми, образовательными, возрастными и пр.).

Характер институционально-структурной политики реформаторов сказался и на различиях в доступности новых экономических прав разным типам домохозяйств и индивидов. Это обстоятельство становится новым фактором социально-экономического неравенства в меняющемся обществе, а также существенным образом сдерживает институционализацию и интернализацию новых прав и правил игры большими группами индивидов.

Относительно невысокая значимость самостоятельности и независимости – даже на фоне демонстрируемой лояльности индивидов к либеральным правам, — указывает на относительно неблагоприятные перспективы углубления (расширения) их интернализации и институционализации при сохранении существующих условий. В будущем шансы на интернализацию новых прав будут тем выше, чем больше они станут способствовать продвижению индивидов на действительно значимых для них осях (преимущественно социально-экономических). Важно, чтобы индивиды быстрее достигли таких позиций на них, которые создадут им своеобразный тыл, позволяющий оторваться от материально-бытовых проблем и нищеты и по заслугам оценить новые права, а вместе с ними – самостоятельность и независимость в их западном понимании. Таким образом, перспективы институционализации новых прав и адекватных им правил игры зависят как от внутренних (лежащих на стороне индивидов), так и от внешних (лежащих на стороне среды) факторов. Чтобы полнее представить имеющийся здесь потенциал, обнаружить возможные "точки роста", необходимо более подробно остановиться на неформальной сфере современного институционального пространства, которая определяется, с одной стороны, социокультурными особенностями массовых микросубъектов, спецификой их экономической ментальности, а с другой — особенностями условий жизнедеятельности субъектов микроуровня. Как те, так и другие особенности сказываются на качественных параметрах основных рынков, где участвуют микросубъекты, а именно: рынках труда, потребительских благ и финансов.

Доминирующие стратегии экономического поведения субъектов на этих рынках, в конечном счете, в существенной мере определяют характер, механизмы, издержки и успешность институциональных реформ.

Начнем с анализа ситуации на наиболее важном рынке – на рынке труда.

Глава 4. ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Формирование институтов обусловливается столкновением новых формальных и старых неформальных, новых неформальных и старых формальных правил с их взаимной реструктуризацией¹. Специфика российского рынка труда заключается в доминировании неформальных правил над формальными, что дает основание некоторым авторам считать его по сути деинституционализированным². С одной стороны, это до сих пор позволяло смягчать трансформационный шок через развитие неофициального сектора, заключение неявных социальных контрактов между администрациями предприятий и трудовыми коллективами и, тем самым, сдерживание массовой безработицы³, но, с другой стороны, преобладание неформальных норм провоцирует различного рода нарушения и деформации в трудовых отношениях.

Асимметрия неформальных и формальных норм, действующих на российском рынке труда, побуждает нас обратить особое внимание на первые. Каково их содержание, как они формируются, из каких элементов складываются? При этом мы будем опираться на важное методологическое допущение о двойственности процессов порождения институтов. Двойственность означает, что есть надындивидуальные нормы и правила, которые являются либо объектом, либо результатом преобразований, и есть повседневные реакции конкретных индивидов и домохозяйств на происходящее, которые по тем или иным причинам складываются в устойчивые модели поведения и которые являются своего рода преднормами, либо помогающими упрочению предложенных "сверху" правил игры, либо поддерживающими жизнеспособность "старых" правил, либо дающими начало новым нормам. Факт существования преднорм может быть объяснен концепцией трансформационного процесса Т.И.Заславской⁴.

Далее мы сосредоточимся на моделях поведения домохозяйств, учитывая, что на отечественном рынке труда: а) сосуществуют старый (бывшие государственные предприятия) и новый частные секторы занятости; б) утвердилось новое социальное явление — открытая безработица, которая в России обладает специфическими (по сравнению с другими постсоциалистическими странами) особенностями⁵.

4.1 Структура трудового поведения домохозяйств

Структура такого поведения может быть задана, с одной стороны, совокупностью внешних факторов, к которым относятся социально и экономически структурированные доступы к рабочим местам, а также идеологические и культурные регуляторы поведения. Это элементы внешнего хозяйственного мира. С другой стороны, структура поведения определяется тем, что обозначается как предпочтения (ценности) и ограничения (нормы)⁶, которые могут принадлежать или отдельным членам, или воплощать специфику "внутреннего" мира домохозяйства в целом с его экономическими, социальными, психологическими особенностями. В этом внутреннем мире вызревают решения по поводу индивидуальной занятости. В дальнейшем поведение домохозяйств в интересующей нас сфере мы будем трактовать через поведение их членов, которые несут особенности внутреннего мира домохозяйства во внешний хозяйственный мир.

В реальности названные миры пересекаются: внешние регуляторы находят специфическое отображение в сознании индивидов, композиции и приввокают домохозяйств, а индивидуальные ценности и нормы определяют отношение к внешним регуляторам. Взаимодействие двух миров порождает не только рыночное поведение, но и другие формы активности (ведение личного подсобного хозяйства, уход за детьми и т.п.).

Приведенные рассуждения дают основание предложить 3-уровневую модель поведения, которая учитывала бы как внешние детерминанты, так и собственную активность членов домохозяйств. Первый уровень моделирования — это выделение основных *маршрутов трудового поведения*:

- к работодателям (предприятия),
- к организациям, оказывающим социальные услуги на рынке труда (это могут быть учреждения Федеральной службы занятости населения, общественные организации),

¹ Нуреев Р.М. Введение в институциональный анализ // Трансформация экономических институтов... С.18.

² Капелюшников Р. Российский рынок труда ...С.132.

³ Там же.

⁴ Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. кол.: Отв. ред. Т.И.Заславская, З.И.Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1999. С.149-167.

⁵ В частности, относительно невысокие темпы роста безработицы в 90-е годы связываются с выбором социальных издержек, который сделало общество при переходе к рыночной системе; суть выбора состоит в замещении огромной безработицы резким снижением оплаты труда. По мнению Л.А.Гордона и Э.В.Клопова, это является следствием уравнилельных умонастроений, остатков патерналистских порядков, неподготовленности управленцев к работе в условиях рынка. В итоге безработица в России оказалась сопряженной с высокой избыточной занятостью на предприятиях. (Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальные эффекты и структура безработицы в России // Социс. 2000. №1. С.24-34.)

⁶ См., напр.: Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS.1993. Том.1. Вып.3. С.51-72.

- к альтернативному образу жизни (сюда относятся домашнее хозяйство, приобретение статуса самостоятельного работника).

В качестве критерия выделения маршрутов мы взяли варьирование потенциальных источников жизнеобеспечения и формирования социального статуса человека.

Каждый маршрут обладает своей сущностной спецификой. Первый характеризует отношения трудового найма и является поведением собственно на рынке труда. Данное поведение может осуществляться либо через организацию семейного бизнеса, либо через индивидуальное участие членов домохозяйств в рыночном хозяйстве (которое далее может воплощаться в корпоративные формы участия)⁷. Очевидно, что в современной России второе направление доминирует, т.е. для исследователя домохозяйство на рынке труда предстает в основном через характеристики индивидуального трудового поведения его членов.

Существование второго маршрута обусловлено тем, что на уровне капиталистического государства правительствам приходится создавать социальную оболочку для успешного функционирования рыночной экономики⁸. Данный маршрут становится самостоятельной сферой поведения для людей, попавших в трудные, кризисные ситуации (например, потеря работы), и является, по сути, механизмом переключения поведения в две другие сферы.

Третий маршрут обозначен нами как альтернативный, поскольку он противостоит двум другим и в своей основе подпадает под такие понятия, как неформальная, неизмеримая, семейная, моральная экономика⁹ и более широкою категорию эксплоярных структур. "Особенности эксплоярных структур заключаются в "отстраненных" (hands off) отношениях с государством и капитализмом, а также в особых стратегиях выживания и специфике использования труда, укорененных в способах функционирования семейных экономик"¹⁰.

Маршруты, пролегающие через конкретные организации и социальные "среды" и побуждая индивида вступать с ними в определенные формы взаимодействия, заставляют нас обращать специальное внимание на переплетение индивидуального и организационного, индивидуальных представлений и организационных норм, регламентирующих, ограничивающих или стимулирующих поведение человека в сфере занятости. Индивидуальные представления и организационные нормы находятся под влиянием не только макроэкономических факторов, но также трудовой идеологии и морали, зафиксированных в законодательных актах, неформальных регламентациях, установках и архетипах сознания. Трудовая идеология как система нормативных взглядов на поведение участников рынка труда является частью хозяйственной идеологии общества. Некоторые авторы выделяют три уровня воспроизводства последней: идеологическая система (теоретически оформленная "чистая" модель хозяйственных процессов), экономическая программа, массовое сознание¹¹. Еще один аспект трудовой идеологии может быть связан с неосознаваемой базовой хозяйственной идеей, входящей в структуру институциональной матрицы данного общества и определяющей его хозяйственный и социальный порядок на протяжении многих веков¹².

Изучение нормативных и культурно-ценностных факторов поведения лежит в русле институционального анализа¹³, но последний также предполагает систематическое изучение действий самих работников, которые оказываются включенными в разнообразные локальные структуры, или поля¹⁴. Действия, повторяясь и становясь привычками, закладывают основу новых институтов¹⁵. В то же время действия опосредованы индивидуальными представлениями, притязаниями, мотивами и т.п. субъективными факторами. В комплексе они образуют картину мира, мировоззрение, сознание. Поскольку мы ведем речь о трудовом поведении, будет обоснованным ввести понятие трудового сознания, которое является связующим звеном между внешними социальными регуляторами и действиями людей¹⁶. Таким образом, второй уровень моделирования связан с выделением *трудового сознания* как структурного элемента поведения членов домохозяйств.

⁷ Жеребин В., Романов А. Экономика домашних хозяйств. М.: Финансы-ЮНИТИ, 1998. С.25.

⁸ Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: «Петербургское востоковедение». 1999. С.110.

⁹ См.: Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Теодора Шанина. М.: Логос, 1999; Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1997. С.209-222.

¹⁰ Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Теодора Шанина. М.: Логос, 1999. С.22.

¹¹ Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 278.

¹² Курдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.

¹³ См.: Радаев В.В. Экономическая социология. Раздел 6.

¹⁴ Под полями понимаются институционализированные арены, на которых участники с разными организационными способностями ориентируют свое поведение относительно друг друга (Флигстайн Н. Поля, власть и социальный талант. Критический анализ теории нового институционализма (ноябрь 1997) / Пер. с англ. Летняя школа «Постсоветское общество: новые методы исследования и модели интерпретации». Центр социологического образования Института социологии РАН и Институт «Открытое общество», 30 июня – 12 июля 1999 г., Москва. С.9). По мнению данного автора, всем теориям институционализма необходимы концепции полей и действия.

¹⁵ «Когда индивидуальные привычки разделяются обществом или группой и укрепляются в этих пределах, они принимают форму социально-экономических институтов» (Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. 2000. №1. С.55).

¹⁶ В литературе используется ряд родственных терминов: экономическое сознание, хозяйственная мотивация, экономический образ мышления, профессиональная перспектива (см.: Боенко Н.М. Социологические проблемы рыночной экономики // Социология молодежи. СПб, 1996. С. 171-185; Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение

В данном понятии мы обнаруживаем два содержательных плана: 1) систему знаний, отношений, переживаний по поводу хозяйственной жизни общества и путей интеграции в нее; 2) систему знаний, отношений и переживаний себя как субъекта хозяйственной жизни. Важным является также разделение каждого плана на этическую и инструментальную составляющие. Первая обслуживает нравственные выборы субъекта в социально-трудовой сфере, а вторая их реализацию. В современных условиях диапазон этих выборов достаточно широк: от криминальной деятельности до различных форм теневой и полуправовой занятости. К этической составляющей следует отнести и нравственные принципы, на которых выстраиваются трудовые отношения, порождающие феномены обмана, зависти, эгоизма или противоположные им. Взаимодействие двух планов трудового сознания формирует у работников определенные притязания, установки, стереотипы и приемы саморегуляции, которые влияют на готовность к тем или иным формам поведения и в совокупности с последними образуют специфические механизмы адаптации к социальной-экономической ситуации. Тем самым трудовое сознание оказывается включенным в процесс институциональных изменений.

Для нашего анализа ключевое значение имеет такой компонент сознания, как *проекты занятости*. Входящие в них оценки, планы, ориентации отражают не только сугубо индивидуальные свойства людей, но также особенности композиции домохозяйств, их властную структуру, характер распределения материальных, временных и прочих ресурсов. В одних случаях выбор места работы или формы занятости может диктоваться дефицитом семейного бюджета или, наоборот, отсутствием такового, в других — традициями или произошедшими в семье событиями и т.д.

Третий уровень моделирования относится к особенностям реализации проектов занятости. На этом уровне приходится учитывать не только глобальные (социальноэкономические и идеологические) и внутренние (трудовое сознание) детерминанты поведения, но и конкретные ситуационные контексты — здесь прежде всего имеется в виду характер социальных сетей, в которые домохозяйства и их члены включены, а также конфигурации обстоятельств, которые могут модифицировать проекты занятости, усиливать или уменьшать ресурсы домохозяйства. Рассматривая данный структурный компонент, мы должны учитывать влияние на него двух специфических факторов. Это, во-первых, неопределенность, изменчивость социального контекста, во-вторых, схемы поведения в ситуации неопределенности. Во втором случае речь идет, по сути, о способах адаптации к изменениям в социально-трудовой сфере, которые могут быть как конструктивными, так и деструктивными, как сложившимися в процессе предыдущей социализации, так и складывающимися в настоящее время. С учетом этих замечаний можно упорядочить формы реализации проектов занятости (табл. 4.1).

Представленная классификация оперирует двумя основными понятиями — навыки и изобретательное поведение. Первое лежит в одном ряду с привычками, умениями, рутинными и фиксирует уже сформированный, повторяющийся шаблон деятельности¹⁷, который может принимать форму надличной нормы, следование которой предопределяет успешность или неуспешность поведения. Эта норма не становится предметом развернутой рефлексии, решение принимается потому, что так было в прошлом. Изобретательное поведение близко к понятиям креативности, творчества, оно более ситуативно, соответствующие схемы более тщательно (ошибочно или безошибочно) соотносятся с обстоятельствами. Не случайно К.Бруннер пишет, что изобретательное преодоление трудностей ведет к появлению чисто прикладных правил принятия решений¹⁸. Разумеется, навыки и изобретательство взаимосвязаны: первые создают основу для второго, которое, в свою очередь, может со временем превращаться в некоторый шаблон и норму, если обеспечило эффективное приспособление и отобрано социальной группой в качестве образца.

Таблица 4.1

Формы реализации проектов занятости

	Деструктивные способы адаптации	Конструктивные способы адаптации
Сложившиеся в процессе предыдущей социализации	Социальные навыки, ведущие к дезадаптации в современных условиях	Социальные навыки, способствующие преодолению трудностей
Складывающиеся в настоящее время	Неудачные схемы изобретательного поведения	Удачные схемы изобретательного поведения

молодежи. Киев: Наукова думка, 1988; Радаев В.В. Экономическая социология; Соколова Г.Н. Экономическая социология. Учебник. М.: ИИД "Филинь"; Мн.: "Беларусская наука", 2000 и др.).

¹⁷ См., напр.: Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2000. С.120; Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение. В психологии, которая традиционно занимается навыками, последние определяются как действия, хорошо освоенные путем повторения с отсутствием поэлементной сознательной регуляции и контроля (Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985. С.195).

¹⁸ Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества. С.63.

4.2 Особенности трудового поведения наемных работников

4.2.1 Легко ли быть наёмным работником?

Несмотря на существенно расширившиеся в 90-е годы возможности в получении дохода (самозанятость, вторичная занятость, открытие своего дела, социальные и частные трансферты и др.), по-прежнему большинство домохозяйств зависит в преобладающей степени от заработной платы, получаемой на бывших государственных предприятиях и организациях¹⁹. В вырабатываемых индивидами стратегиях трудового поведения именно заработная плата является основным ориентиром выбора места занятости. Другие ценности, к примеру, профессиональная самореализация, повышение квалификации и образования, комфортные условия труда перестали играть значимую роль в трудовом поведении большинства наемных работников²⁰.

Именно в сфере политики оплаты труда наемных работников сосредоточены сегодня наиболее злободневные, наболевшие проблемы как для работника, так и для предприятия и общества в целом. Это и задержки с выплатой заработной платы, и ее низкая воспроизводственная функция, и чрезмерная дифференциация. Отмечается, что разница в размерах заработков работников наиболее массовых профессий определяется не отличиями в их квалификации, профессионализме, результативности труда, а зависит прежде всего от формы собственности и отраслевой принадлежности предприятий²¹.

Наиболее притягательным сектором занятости к середине 90-х гг. стали успешные частные предприятия, сконцентрированные, как правило, в легкой и пищевой промышленности, а также в сфере торговли и услуг. Объективными обстоятельствами, сопутствовавшими росту данных ориентаций, явились процессы преобразования отношений собственности на бывших государственных предприятиях, в результате которых произошло снижение реальной заработной платы, ухудшение условий труда и социальной защищенности наемных работников. За время реформ из 23,5 миллионов человек, занятых в промышленности, к июлю 1997 г. ее покинуло свыше 11,6 миллионов²². В то же время отмечался динамизм роста производства и размера заработка на частных (новых и акционированных) предприятиях, особенно в Москве и крупных городах России²³. Именно здесь занята наиболее квалифицированная, мобильная и молодая часть рабочей силы. Доля молодежи частного сектора (до 25 лет) в общей численности занятых составила почти четверть, тогда как в кооперативах и разного рода товариществах она меньше в два с лишним раза, а на государственных предприятиях составляет всего лишь 6%²⁴. Вместе с тем известно, что на частных предприятиях гораздо чаще нарушаются трудовые права работников (не оформляются должным образом или вовсе отсутствуют договоры о найме, не соблюдаются договоренности о размерах оплаты труда и условиях труда, не заключаются коллективные договоры и т.д.)²⁵. На частных предприятиях все больше вводится в практику найма рабочих заключение краткосрочных контрактов со сроками до 3-х месяцев²⁶.

Какими отличительными чертами обладают домохозяйства, отправившие своих членов в 90-е годы в новый сектор занятости? В какой мере работа на данных предприятиях позволяет работникам реализовать их трудовые ориентации и как они соотносятся с потребностями домохозяйств? Вырабатываются ли при этом какие-то новые, характерные для рыночной экономики правила поведения или сохраняются и воспроизводятся старые, сложившиеся ранее стереотипы мышления и поведения? Эти и другие вопросы предполагается рассмотреть на примере анализа трудового поведения рабочих, пришедших на предприятия нового типа после 1992 года — начала либеральных экономических реформ.

С этой целью будет проведен сравнительный анализ трудового поведения рабочих двух промышленных предприятий: нового частного (далее ЧП) и бывшего государственного, а ныне акционированного (далее АО). Оба предприятия относятся к экономически успешным, широко известны в своих отраслях (частное в сфере легкой, а акционерное — пищевой промышленности). Вместе с тем эти предприятия характеризуются принципиально противоположными культурными и институциональными признаками внутренней среды. Новое частное предприятие являет собой пример классической капиталистической модели организации труда (преобладание индивидуального краткосрочного контракта в политике найма работников, жесткие тейлористские принципы контроля за работой, отсутствие социальной инфраструктуры, профсоюза и т.п.). Акционерное предприятие сохранило традиции советской организации и культуры труда (бессрочный найм, регулярные соб-

¹⁹ Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабиной и С. Кларка. М., 1999. С.15.

²⁰ Подробнее об этом см. параграф 9.1. Мотивация труда.

²¹ Волгин Н.А. Оплата труда в России: проблема теории и современной практики / Возвращение Питирима Сорокина. М., 2000. С.394.

²² Белозерова С. Цель - занятость полная и эффективная // Человек и труд. 1997. №12. С.35.

²³ Социально-трудовые процессы на предприятиях промышленности // Человек и труд. 1997. №10. С.82-83.

²⁴ Дунаева И. Молодежь на рынке труда // Вопросы экономики. 1998. №1. С.82.

²⁵ Крутой пласт. Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен. Под. ред. Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, И.С. Кожуховского. М.: Комплекс- Прогресс. 1999. С.33.

²⁶ Романов П.В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Издательство Саратовского университета. 2000. С.47.

рания трудового коллектива на всех уровнях, развитая социальная инфраструктура, сильные позиции профсоюза)²⁷.

С учетом целевых критериев на данных предприятиях были отобраны рабочие, пришедшие на них в 1992 г. и позже. На ЧП таких оказалось 218 человек (94% от числа опрошенных), а на АО — 137 человек (57%). С учетом профиля деятельности предприятия рабочих ЧП можно условно назвать швейниками, а АО — кондитерами.

Данные группы являются примерно однородными по возрасту (на ЧП средний возраст рабочих чуть более, а на АО чуть менее 30 лет), по семейному положению, размеру семьи. Отличает выделенные группы распределение по полу (на АО существенно больше мужчин) и уровень образования (на ЧП преобладают рабочие со средним профессиональным, а на АО — с общим средним образованием).

4.2.2 *Различия в структурах домохозяйств*

При подходах к домохозяйствам как объектам исследования ученые зачастую рассматривают их как альтернативу рыночной и государственно-мобилизационной занятости, концентрируют внимание на необходимости изучения специфики экономики домохозяйств, которую, в свою очередь, квалифицируют как семейную, этическую, неформальную и, по сути, нерыночную²⁸.

В соответствии с целью исследования нас в большей мере будет интересовать, как домохозяйства через своих членов, выходящих на внешний по отношению к нему рынок труда, повышают уровень материального благополучия. Особенно это актуально для переходной нестабильной экономики, когда, в отличие от рыночной практики опоры на четкую специализацию членов в процессе воспроизводства человеческого капитала, домохозяйства вынуждены заниматься и продажей рабочей силы на рынке труда, и потреблением социальных трансфертов, и самообеспечением с помощью земельных участков, и многими другими видами деятельности²⁹.

При рассмотрении домохозяйства как активного агента в сфере рыночной занятости основными элементами его социальной структуры прежде всего выступают: соотношение работников и иждивенцев, статусы занятости его членов, территориальная отдаленность домохозяйства от места работы, наличие земельного участка и его экономическая эффективность, материальное положение в целом.

Проведем сравнительный анализ данных элементов на обследованных предприятиях.

Соотношение работников и иждивенцев. При равном брачном состоянии (54% опрошенных рабочих обоих предприятий состояли в браке) и примерно равной численности членов семьи (в среднем 3,4 человека), соотношение работников и иждивенцев в структуре домохозяйств имеет существенные различия. Выяснилось, что домохозяйства рабочих АО по сравнению с рабочими ЧП имеют большее количество работников и меньшее — иждивенцев. Так, в каждом пятом домохозяйстве рабочих АО 3 работника, тогда как на ЧП — только в каждом десятом. Зато на ЧП больше рабочих, в домохозяйстве которых работает только один человек (соответственно 30 и 16%).

Статусы занятости членов домохозяйств. С учетом неравного соотношения опрошенных рабочих разных предприятий по полу анализ статуса занятости проводился только среди отобранных работниц. В результате выяснилось, что у каждой пятой работницы ЧП супруг либо безработный, либо временно не работает, тогда как среди работниц АО таких — 12%. Работницами ЧП статус занятости супруга втрое чаще, чем на АО, оценивается как более низкий.

Территориальная отдаленность домохозяйств от места работы. Абсолютное большинство рабочих АО (94%) проживает в Москве. На ЧП примерно пятая часть приезжает из ближнего Подмосковья. Однако время, затрачиваемое на дорогу в один конец, в среднем не имеет существенных различий, составляя и у тех и у других чуть более часа.

Наличие земельного участка и его экономическая эффективность. Имеют земельные участки примерно равное количество рабочих (44% на ЧП и 50% на АО), однако нежелание их иметь в большей мере демонстрируют рабочие ЧП (56 и 22%). Среди них не оказалось ни одного человека, кто хотел бы получить или купить такой участок, тогда как среди рабочих АО таких около 1/3. В еще большей мере негативное отношение рабочих ЧП к владению земельным участком как способу выживания проявляется в оценках перспектив по его обустройству. Среди владельцев земельных участков на ЧП втрое больше тех, кто не имеет там какого-либо строения и не собирается строить. У большинства рабочих-огородников обоих предприятий никогда не бывает излишков урожая, а те, кто их имеет (примерно третья часть), делятся ими с родственниками и друзьями.

Материальное положение. Субъективные оценки величины денежного дохода своих домохозяйств у рабочих обследованных предприятий имеют существенные различия (табл. 4.2).

Материальное положение домохозяйств абсолютного большинства рабочих ЧП находится на уровне физиологического выживания, тогда как среди опрошенных рабочих АО значительная их часть (40%) относит себя к семьям со средним достатком. Конечно, на оценки материального положения оказывает влияние количество работающих членов. Напомним, что их число у рабочих АО существенно больше.

²⁷ Более подробно об этих предприятиях см. Главу 9.1. Мотивация труда.

²⁸ Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Аспект Пресс. 1997. С.210-219.

²⁹ Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: Инфра-М. 2000. С.383.

**Оценки материального положения домохозяйств
рабочими обследованных предприятий (%)**

Оценки	Частное (N=218)	Акционерное (N=137)
Денег не хватает на самое необходимое, иногда даже на питание	25	7
Денег хватает только на самое необходимое (питание, оплату квартиры, недорогую одежду)	65	52
Доходы позволяют нормально питаться, одеваться, но покупка бытовой техники вызывает затруднения	9	29
Не ощущаем недостатка в средствах, но, например, покупка автомобиля нам не доступна	1	11
В настоящее время можем позволить себе ни в чем не отказывать	-	1
Всего	100	100

Однако заработки опрошенных рабочих обоих предприятий не имеют существенных различий. Более того, среди рабочих ЧП вдвое больше имеющих вторичную занятость (12 и 6%). Эти работники также существенно выше оценивают свой вклад в бюджет домохозяйства. Большинство из них (58%) оценивают свой заработок как основной источник денежных доходов домохозяйства, тогда как среди рабочих АО таких меньше половины (46%).

Подводя итог анализу структуры домохозяйств и роли ее элементов в формировании трудового поведения рабочих разнотипных предприятий, можно предположить, что выбор частного предприятия как места занятости во многом обусловлен объективными факторами и прежде всего материальным положением домохозяйств. Более тяжелое положение домохозяйств (незначительное число активных работников либо низкий статус занятости одного из супругов) стимулирует поиски места работы, где главным и зачастую единственным значимым фактором труда является более высокая заработная плата. Состояние социально-бытовых условий труда на предприятии, обеспечение прав работника, а также степень отдаленности предприятия от места жительства уходят на задний план при трудоустройстве. При этом традиционные формы выживания домохозяйств (земельные участки и личное подсобное хозяйство) также перестают быть значимыми как менее эффективные. Итак, чем труднее жизнь в домохозяйствах наемных работников, тем вероятнее выбор частного предприятия как места и способа выживания в неблагоприятных условиях.

Во многом обратная картина действий при выборе места занятости просматривается на примере рабочих АО. Уровень материального благополучия их домохозяйств существенно выше. Это предполагает большую уверенность в своей жизни и соответственно выбор предприятия, где имеются гарантии неплохого заработка и спокойного ритма труда, хороших социально-бытовых условий, социально-психологического климата и т.п. Уверенность в работе способствует активизации работы на земельных участках и меньшей вовлеченности во вторичную занятость.

В какой мере объективные факторы выбора предприятия подкрепляются субъективными намерениями и объяснительными мотивами?

4.2.3 *Место работы в системе жизненных ценностей и мотивация выбора предприятия*

Рабочие ЧП придают существенно большее значение ценности работы по сравнению со своими коллегами на АО. Больше половины из них (52%) включили ее в систему важнейших жизненных ценностей, тогда как на АО — только треть.

Объясняя выбор предприятия, рабочие ЧП значительно чаще указывают и на возможность получения хорошего заработка (45%), тогда как на АО таких только пятая часть. Модальная группа рабочих АО (46%), отвечая на вопрос о мотивах выбора предприятия, ссылаясь на стечение случайных обстоятельств. На частном предприятии таких тоже немало (20%). Однако смыслы, вкладываемые в обоснование этого выбора, имеют разное значение. Для рабочих АО при выборе предприятия имел немалое значение совет друзей, знакомых, родственников (29%), а также факт прежней либо настоящей работы. Здесь в меньшей мере просматриваются попытки самостоятельного поиска, практика успеха и неудач в получении работы, конкуренция за рабочее место. Определенная часть молодых рабочих пришла сюда (как выяснилось из бесед) из-за неудачи при поступлении в вуз и не рассматривает свою занятость на АО как долговременную и перспективную. Практика приема

на работу по семейно-родственным связям возведена в ранг политики и на многих других успешных предприятиях и отражает силу патернализма в трудовых организациях постсоветского типа³⁰.

Для рабочих вновь созданного частного предприятия роль семейно-родственных связей при выборе предприятия еще не стала столь значимой (17%), однако и здесь наблюдаются ростки патерналистской политики найма. Но случайное, по мнению рабочих, стечение обстоятельств, сопутствовавших поступлению на предприятие, все же в большей мере было обусловлено неслучайными факторами: потеря прежнего рабочего места либо из-за закрытия предприятия, либо из-за незначительного по сравнению с настоящим размера заработка, т.е. рыночными условиями.

Рабочие, пришедшие на ЧП в 90-е годы, выглядят более зрелыми и устремленными на инструментальные ценности труда, поскольку многие из них (65%) до 1997 г. принимались по конкурсу (в отдельные годы конкурс достигал до 8 человек на место); они имеют, как уже отмечалось, более высокий уровень профессионального образования и в силу того, что большинство из них основные кормильцы семьи, – большую ответственность за свой выбор и свою работу в целом.

Ценность образования и его дальнейшего повышения не представляет особого значения для рабочих ЧП. Только 7% опрошенных включили образование в число наиболее важных жизненных ценностей, что вдвое меньше, чем на АО. Соответственно, если на АО почти треть опрошенных рабочих планируют повысить свое образование, то на ЧП — только 8%. Во многом эти расхождения объясняются тем, что рабочие ЧП уже имеют, по их мнению, достаточно высокую квалификацию по своей профессии и не хотят тратить время и силы на ее дальнейшее повышение. Их основные ориентации направлены на достижение максимально возможного заработка на основе интенсивного труда и продолжительного рабочего дня. В целом, это ориентация на максимизацию труда, которая является ведущей в составе экономического поведенческого комплекса наиболее активных молодых работников развивающейся рыночной экономики³¹.

В какой мере данная ориентация имеет шанс адекватной реализации на предприятиях нового типа?

4.2.4 Неформальные ограничители максимизационных ориентаций работников

В отличие от АО, где размер зарплаты, по оценкам рабочих, лишь в небольшой степени зависит от их личного трудового вклада и квалификации, на ЧП данные факторы играют более весомую роль. Так, 65% рабочих ЧП отмечают сильную зависимость размера оплаты труда от личного трудового вклада, что почти вдвое больше, чем на АО. Однако существенную роль, по признанию рабочих ЧП, играет и фактор значительной зависимости размера оплаты труда от взаимоотношений с руководством. Данный факт отметила почти треть респондентов на ЧП и только 8% — на АО. Дальнейший анализ показал, что зависимость размера оплаты труда от взаимоотношений с руководством, по сути, перечеркивает максимизационные устремления рабочих.

Еще в исследовании 1996 г. на данном предприятии выяснилось, что между размером получаемой зарплаты и оценкой степени ее зависимости от взаимоотношений с руководством существует достаточно тесная прямая связь. Чем выше размер зарплаты, тем в большей мере он зависит от неформальных взаимоотношений с руководством³².

Конечно, зависимость положения рабочего (гарантий и статуса его занятости, зарплаты, комфортности условий труда и пр.) от взаимоотношений с руководством характерна для большинства российских фирм как старого, так и нового образца, что отмечается в последнее время многими исследователями³³. Однако далеко не все рабочие признаются в своем зависимом положении (даже в анонимном опросе и беседах), либо считают такого рода отношения естественными, а не негативными.

Анализ показал, что факт признания такой зависимости обусловлен рядом специфических качеств рабочих. Прежде всего, это рабочие с более высоким стажем работы на предприятии. Выяснилось, что среди "зависимых" (так условно назовем рабочих, признающих зависимость размера своей оплаты от взаимоотношений с руководством) только четверть работала на предприятии менее двух лет, тогда как среди "независимых" (не признающих, что их оплата зависит от взаимоотношений с руководством) таких оказалось почти половина (47%). Данное распределение ответов противоречит известному для каждого управленца и исследователя факту: в первые годы работы элементы самостоятельности и независимости в поведении работников, еще только адаптирующихся к новым условиям труда и трудовым отношениям, выражены крайне незначительно. То есть, либо эти рабочие не хотят (боятся) в этом признаться, либо еще не осознают такие отношения как зависимые.

³⁰ См., например: Романов П.В. Указ. соч. С.43; Шершнев Е.Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб.: Петрополис. 1999. С.111.

³¹ Полякова Н.В. Экономическое поведение. Иркутск.: ИГЭА. 1998. С.145.

³² Патрушев В.Д., Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Рабочие на частном предприятии: мотивация, оплата труда и удовлетворенность работой // Социологические исследования. 1998. №4. С. 39.

³³ См., например: Алашеев С. Неформальные отношения в процессе производства: взгляд изнутри // Социологические исследования. 1995. №2. С.12-19; Максимов Б.И. Положение рабочих на приватизированных предприятиях / Социальные проблемы труда в современном обществе и вопросы совершенствования преподавания социологии труда в вузах. СПб., 1999. С.53-59; Романов П.В. Указ. соч. С.13-50.

Рабочие с более высоким стажем как более опытные, квалифицированные, уверенные в себе уже не считают нужным утаивать такого рода отношения, рассматривают их как негативные, мешающие им более полно реализовывать свой потенциал и добиваться максимальной выгоды в условиях достаточно высокой интенсивности труда на частной фирме.

О том, что такого рода отношения воспринимаются рабочими негативно, свидетельствует значимая корреляция между зависимостью размера оплаты труда от отношений с руководством и оценками рабочими этих отношений в целом (коэффициент Крамера – 0,286). Абсолютное большинство рабочих (86%), подчеркивающих факт зависимости размера оплаты труда от взаимоотношений с руководством, оценивают эти отношения с ними как недоброжелательные со стороны руководства.

Еще одним моментом, указывающим на институциональный характер такого рода отношений, является корреляция между признанием зависимости оплаты труда от взаимоотношений с руководством и преобладанием у таких рабочих индивидуалистических ориентаций на труд (0,260). "Зависимые" рабочие вдвое чаще, чем "независимые", подчеркивают, что каждый рабочий должен отвечать только сам за себя. Коллективистски ориентированные рабочие, у которых зарплата зачастую в большей мере зависит от взаимоотношений с руководством, не хотят обнародовать данный факт, либо не считают его отрицательным. Еще ранее было выявлено, что коллективистские ориентации рабочих снижают их индивидуальную, эгоистическую целеустремленность в трудовом поведении и повышают ответственность за общую работу (цеха, предприятия в целом)³⁴.

К каким последствиям в трудовом поведении ведет факт высокой зависимости размера оплаты труда от взаимоотношений с руководством и его признания наиболее зрелыми, экономически ориентированными рабочими?

Наиболее явное отражение негативных последствий зависимых отношений рабочих с руководством проявляется в высоких показателях потенциальной текучести. Большинство респондентов (63%), отмечающих зависимость размера оплаты своего труда от взаимоотношений с руководством, думают об увольнении с предприятия, в т.ч. 4% собираются уволиться в ближайшее время.

Итак, в 90-е годы новые успешные частные предприятия стали наиболее привлекательными для занятости наемных работников, ориентированных на рыночные ценности. Такие работники, стремясь повысить материальное благополучие своих домохозяйств, выражают готовность поступиться многими привычными ранее и характерными для развитого рынка труда ценностями (гарантиями занятости и "твердого" заработка, спокойной работы и комфортных условий труда) ради одной: более высокого, сносного для нормальной жизни заработка.

Выбор частного предприятия в немалой степени продиктован более тяжелым положением домохозяйств. Чем труднее жизнь в домохозяйствах наемных работников, тем вероятнее ориентация на труд на новом частном, а не на приватизированном и акционированном предприятии.

Однако ярко выраженная ориентация на максимизацию труда в целях достижения максимально возможного заработка на основе интенсивной работы и продолжительного рабочего дня, характерная примерно для трети рабочих ЧП и примерно десятой части АО, сталкивается с целым рядом неформальных отношений на предприятии. Одним из наиболее действенных ограничителей максимизационных устремлений работника является ставшая нормой зависимость размера оплаты его труда от взаимоотношений с руководством. Осознание этой зависимости как негативного фактора приводит к повышению неудовлетворенности взаимоотношениями с руководством и способствует росту ориентации на уход.

4.3 Безработные члены домохозяйств в поисках новой занятости

Безработица исследуется в различных направлениях, в частности как элемент общей динамики социальной структуры, со стороны издержек для разных групп населения, как объект политики государства в сфере занятости; безработица рассматривается также со стороны ее психологических и ценностных компонентов, являющихся важным дополнением "средовых" аспектов высвобождения и последующего трудоустройства. Специалисты обращают внимание на многообразие способов реагирования людей на отсутствие работы: одни справляются с трудной жизненной ситуацией лучше, другие хуже, а некоторые даже находят удовлетворение в ней. Поскольку потеря работы усиливает неопределенность жизненной ситуации и провоцирует более отчетливое проявление различных сил, формирующих структуру поведения, безработное состояние становится модельной экспериментальной площадкой для исследователя. Результаты и выводы, полученные на ней, могут помочь лучше понять те нормы и ценности, которых придерживаются домохозяйства в сфере занятости.

В качестве основной эмпирической базы используются результаты анкетного опроса, который проводился в Екатеринбурге, Краснодаре, Москве, Нижнем Новгороде летом 1999 года. Он охватил 257 человек (примерно поровну в каждом регионе), имевших стаж безработицы от 3-х до 12-ти месяцев. Структура выборки соответствовала социально-демографическим параметрам безработных, зарегистрированных в службах занятости этих городов. Безработные представляли домохозяйства, размер которых колебался от 1 до 8 человек и в среднем составлял 3 человека. По оценкам опрошенных общая доля таких же, как и они, безработных среди лиц, образующих с ними домохозяйство, составила 2,8%. Кроме этого были проведены 2 серии интервью. Пер-

³⁴ Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П. Коллективистские трудовые отношения на частном промышленном предприятии // Социологический журнал. 1998. №1/2. С.205.

вая проводилась в конце 1998 года в тех же городах, что и анкетирование; было опрошено 37 человек, попавших под сокращение. Вторая серия – в конце 1999 года. Из 37 "старых" респондентов удалось встретиться с 31, еще 5 были опрошены впервые³⁵.

4.3.1 Маршруты поведения безработных

У каждого человека, оказавшегося без работы, может быть свой приоритетный маршрут, равно как и готовность к одновременному использованию нескольких маршрутов. Одни предпочитают самостоятельно искать успеха у работодателей или заниматься домашним хозяйством и вообще не обращаться в службы занятости, негативно воспринимая саму возможность официальной регистрации в качестве безработного и прохождения унижительной, по их словам, процедуры, необходимой для получения пособия. Для других единственной сферой поведения является взаимодействие со службой занятости – люди живут исключительно на пособие либо в ожидании пенсии, либо в силу сложившихся обстоятельств. Такое взаимодействие может становиться открытым полем борьбы с государством за свой статус³⁶. Третьи одновременно используют оба маршрута поведения, дополняя самостоятельный поиск (или нелегальные приработки) выгодами клиентского обслуживания в службе занятости (получение пособия и информации). Использование двух маршрутов возможно и в другом сочетании: уход в домашнее хозяйство с одновременным получением назначенного государством пособия по безработице. В принципе можно совмещать и все три обозначенных маршрута, ища работу по найму, получая пособие в службе занятости и предпринимая шаги к организации (или ведению) собственного дела. Такой вариант поведения хотя и встречается, но не часто.

Возможность совмещения двух или трех маршрутов поведения порождает феномен *параллельных миров* безработного. Чтобы получать пособие, он не должен афишировать факты своей работы или приработков. По результатам нашего опроса в четырех регионах России 21% безработных имели на момент исследования регулярные или нерегулярные приработки. Это сопоставимо с уровнями вторичной занятости населения в целом, выявляемыми другими исследованиями³⁷, в связи с чем можно высказать предположение, что границы между маршрутами, устанавливаемые законом, как бы не замечаются людьми при переходе в состояние безработицы. Они ориентируются не столько на закон, сколько на емкость рынка вторичной занятости. Как показывают интервью, взятые у одних и тех же респондентов с интервалом в год, те из них, кто имел возможность в течение этого года хорошо подрабатывать или собирался решать бытовые проблемы, стояли на учете полный срок, в течение которого получали положенное по закону пособие. В конце или по истечении срока они без особого труда находили работу либо по вакансиям службы занятости, либо самостоятельно.

Существование феномена параллельных миров, с одной стороны, зависит от индивидуальной гибкости в поведении, умения комбинировать возможностями, нередко противоречащими закону, т.е. психологических свойств. С другой стороны, данный феномен может быть проинтерпретирован в экономических терминах как "безбилетный проезд". Безбилетники – типичное явление анонимного дифференцированного общества, возникающее, когда правительствам не удается контролировать вклады граждан в жизнь общества³⁸.

Российские безбилетники относятся к хорошо адаптирующейся части населения, готовые идти на риски, связанные с нарушением законов. Подобное поведение инициируется системой формальных и неформальных норм и ценностей, действующих на российском рынке труда. Для их обозначения используют такие термины, как трудовая мораль, трудовая идеология. На современном российском рынке труда действуют элементы как новой, так и старой трудовой идеологии. Это можно использовать при объяснении использования безработными разных маршрутов в сфере занятости и стоящих за ними более частных способов проектирования поведения.

Мы видим, что перемещение к государственной службе занятости и "прирастание" к ней отражает патерналистские и зависимые установки, сформированные у части граждан еще в период социалистического общества, а также желание расквитаться с государством, которому отданы все силы (в этой связи характерно такое высказывание безработной предпенсионного возраста: "*Меня иногда ужасает: ведь мы были привязаны к этой работе как рабы и ничего за душой не имеем*").

Перемещение к альтернативному стилю связано как с предпринимательской ориентацией, наиболее отчетливо реализующей новую трудовую идеологию, так и с уходом в семью, что также допускается новыми нормами.

³⁵ Проект "Совладение в посткоммунистической России: социальные и экономические стратегии андекласса", финансируемого Институтом "Открытое общество" (проект № 153/1998). Коллектив проекта: В.Радаев (руководитель), Е. Балабанова, М. Бурлуцкая, А. Дёмин, О. Кузина, Л. Петрова).

³⁶ См.: Дёмин А.Н., Попова И.П. Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации // Социс. 2000, №5.

³⁷ См.: Варшавская Е., Донова И. Вторичная занятость населения // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / Под ред. В.Кабалиной и С.Кларка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 111-112. Авторы приводят результаты опроса 4 тысяч домохозяйств, проведенного в 1998 году в Кемерово, Самаре, Сыктывкаре и Люберцах. По их данным, годовой уровень вторичной занятости среди населения в возрасте 15-72 года колеблется в районе 20%. Среди официально зарегистрированных безработных он составляет 35,9%, но, как следует из текста, респондентам задавался вопрос о подработках за последние 12 месяцев, а не в настоящее время. Тем не менее это число только подтверждает феномен «параллельных миров».

³⁸ Шрадер Х. Экономическая антропология. С.110.

Перемещение к работодателям, с одной стороны, может определяться естественным желанием улучшить свое материальное положение, повысить социальный статус, но, с другой стороны, как показывают многие наблюдения, в том числе сделанные при анализе наших интервью, это диктуется усвоенными в семье императивами: нельзя не работать, неработающий человек не представляет никакой ценности и т.п., при этом для человека не такой важной оказывается величина зарплаты. *"Мы из такой семьи, что у меня родители всю жизнь проработали. И я работаю, у меня никогда не было такого, чтобы я не работала, я стала работать с 17 лет (одновременно с началом учебы в вузе – А.Д.) и работаю до сих пор. Никогда не мечтала о том, что я буду день сидеть, не работая ... все равно я знаю, что буду работать, то есть это нормально для любого человека"* (женщина, 34 года). Та же респондентка делится своими наблюдениями за сокращенными коллегами: *"...люди, видимо, боятся вообще потерять работу, остаться без работы и, несмотря на такую низкую зарплату, все равно идут. Понимаете, мы привыкли работать, а без работы что нас ожидает?"* Ориентация на работу как таковую, страх остаться без нее могут приводить к материальным и психологическим издержкам, если сделан неудачный выбор, связанный с переходом на менее квалифицированную и престижную работу или на работу, требующую максимальной отдачи, энергетически опустошающей человека.

Далее постараемся провести более детальный анализ индивидуального сознания и действий безработных в сфере занятости, чтобы понять, какие векторы активности проектируются ими и каким образом они реализуются. Это будет второй и третий уровни построения интересующей нас модели.

4.3.2 Способы проектирования безработными своей жизненной ситуации

Обобщенная схема проектирования поведения в сложной ситуации включает следующие основные элементы: 1) переживание и оценку трудностей, 2) рефлексии, или вывод по результатам своих попыток преодолеть трудности, 3) построение планов дальнейшего поведения. Перечисленные элементы были операционализированы в соответствующих шкалах, которые использовались в анкетном опросе безработных, проведенном в 4 регионах России (Екатеринбург, Краснодар, Москва, Нижний Новгород) летом 1999 года. В таблицах 4.3, 4.4, 4.5, 4.6, 4.7 представлены результаты распределения ответов по каждому элементу модели.

Таблица 4.3

Основные проблемы безработных (фрагмент), % от числа опрошенных

	Наиболее острые проблемы	Главная проблема
Нехватка средств для нормальной жизни	83,7	52
Невозможность использовать образование, квалификацию	47,9	16
Ухудшение здоровья (Вашего или Ваших близких)	31,5	8,6
Нехватка нужных профессиональных навыков	21,4	5,3
Напряженные отношения в семье	18,7	2,5
Невозможность образования для детей	18,7	1,6

Выход на первое место проблемы "нехватка средств для нормальной жизни" является закономерным итогом. Для безработных это основной инструмент интерпретации своей жизненной ситуации, но такую оценку можно отнести к разряду неспецифических генерализованных реакций людей на происходящее. В ряду же специфических реакций на первое место выходят переживания, связанные с невозможностью использовать образование и квалификацию.

Материальная и профессиональная депривация закономерно сопровождаются неуверенностью в завтрашнем дне и чувством зависимости от внешних обстоятельств (данные психологические проблемы лидируют в группе безработных, получив соответственно 64,2% и 44,4% ответов (табл. 4.4)).

Таблица 4.4

Психологические проблемы безработных, % от числа опрошенных

	Наиболее острые проблемы	Главная проблема
Неуверенность в завтрашнем дне	64,2	52,2
Зависимость от внешних обстоятельств	44,4	22,6
Неуверенность в себе, неумение себя подать	18,7	10,9
Чувство бесполезности для людей и общества	16,7	4,8
Неумение ориентироваться в ситуа-	13,6	7,0

ции		
Особых проблем пока не испытываю	10,5	-

Интересно обратить внимание на относительно слабую депривацию коммуникативной сферы безработных. В такой оценке происходящего можно увидеть потенциальный ресурс преодоления ими своих жизненных трудностей. Разумеется, не всякая социальная сеть эффективна (почти половина опрошенных — 48% указали на отсутствие связей и блага в качестве одной из причин, не позволяющих найти подходящую работу), не все могут задействовать или усилить уже имеющиеся в ней возможности, поэтому отсутствие масштабных сетевых проблем является не более, чем предпосылкой для успешного поведения на рынке труда. Для его осуществления нужны дополнительные усилия и умения.

Таблица 4.5

**Основные выводы, которые сделали для себя безработные
за время после потери работы (фрагмент),
% от числа опрошенных**

	Важные выводы	Главный вывод
Активнее искать работу	57,2	25,8
Экономить, более рационально вести бюджет	38,5	4,5
Пытаться зарабатывать любыми способами	38,1	13,9
Больше заботиться о своем здоровье	38,1	11,1
Обучаться новым специальностям, приобретать новые профессиональные навыки	34,6	13,9
Активнее налаживать нужные связи с людьми	31,1	7,4
Уделять больше времени и сил своей семье	30,4	7

Для половины безработных (50,4%) главные выводы, приведенные в таблице 4.5, являются новыми, при этом наибольшей новизной обладают выводы, лидирующие и по частоте упоминания, т.е. связанные с активным поиском работы, стремлением зарабатывать любыми способами, обучением новым специальностям и приобретением новых профессиональных навыков. 73% из тех, кто выбрал первый, 65% из тех, кто выбрал второй, и 52% из тех, кто выбрал третий в качестве самого значимого, пришли к ним уже будучи безработными. Новизна выводов (прежде всего первого) может показаться парадоксальной, ведь опрошенные являлись свидетелями экономических преобразований, сигнализирующих о многообразных угрозах для человека и идеологически готовящих к индивидуальной активности, не один и не два года, а целых восемь лет. Вероятно, для многих безработных их прежние предприятия и организации выполняли функцию амортизатора идеологических преобразований в обществе, новые ценности и формы поведения выступали для них абстракциями, которые они только сейчас вынуждены наполнять конкретным содержанием.

Новизна выводов не всегда сопряжена с эффективностью. Например, ориентация безработного на разовые подработки, "шабашки" может приводить к сужению его целевого пространства, усилению хаотических компонентов в поведении. Когда сезон шабашек проходит, он оказывается в еще более трудной и неопределенной ситуации, чем прежде. Готовность взяться за любую работу нередко ведет к нисходящей трудовой мобильности и сопровождается устойчивым негативным эмоциональным фоном (инженер начинает работать слесарем-наладчиком и страдает из-за дефицита общения "с себе подобными"). С другой стороны, терпимость к любой работе может обеспечить улучшение статуса (например: лаборант — ученик повара — продавец на рынке — оператор-кассир на АЗС), если человек умело ориентируется в ситуации и вовремя использует появляющиеся шансы.

94% опрошенных, придя к главному выводу, иногда или постоянно пытаются что-то делать для изменения ситуации к лучшему, но только 22,5% полагают, что это им удастся. Очевидно, что практическая реализация выводов может быть насыщена нюансами индивидуальной жизненной ситуации, очень сильно зависеть не только от индивидуальных, но и от социальных ресурсов, доступных безработному, а также от экономической ситуации в регионе.

В анкету также был включен вопрос о психологических выводах, которые сделали для себя респонденты (табл. 4.6).

Таблица 4.6

**Основные психологические выводы, которые сделали для себя
безработные за время после потери работы (фрагмент),
% от числа опрошенных**

	Важные выводы	Главный вывод
Надеяться прежде всего на себя	68,5	41,7
Использовать любые шансы, предоставляемые жизнью	42	9,9
Стараться не обращать внимания на трудности	35	9,9
Приспосабливаться к обстоятельствам и людям	35	7,9
Быть более настойчивым в реализации своих целей	34,6	7,0
Более уверенно себя вести, учиться подавать себя	30,0	11,2

Таблица 4.7

**Основные планы безработных на ближайший год (фрагмент),
% от числа опрошенных**

Содержание планов (возможные действия)	Действие планируется (да — скорее, да)	Действие не планируется (нет — скорее, нет — трудно сказать)
Искать работу, гарантирующую стабильную занятость	92,2	7,8
Искать работу по своей специальности	72,5	27,5
Получать пособие	64,8	35,2
Больше работать по дому, ухаживать за детьми	52,5	47,5
Обращаться за помощью в государственные и общественные органы	47,5	52,5
Осваивать новую профессию, специальность	39,7	60,3
Больше работать в личном подсобном хозяйстве	36,6	63,4

Однозначное доминирование вывода "надеяться прежде всего на себя" симптоматично. Оно может рассматриваться как показатель сдвигов в регуляции поведения на рынке труда, связанных с акцентированием прежде всего индивидуальных усилий. Как говорит один из участников интервью, "... *попав в ситуацию безработного, ты еще более остро понимаешь, что только ты сам можешь решить свои проблемы. Никто тебе не поможет: ни государство и никто другой; т.е. ты сам должен "подкинуться" и найти себе эту работу или сам ее организовать*" (мужчина, 45 лет). Поиск опоры в самом себе заставляет по-новому относиться к таким способностям, как настойчивость, умение себя преподнести, чувствительность к появляющимся шансам. Это уже не просто индивидуальные свойства, а профессионально важные качества, необходимые для решения проблем в сфере занятости. Их формирование у зрелых людей осложнено не только воспоминаниями о других нормах трудоустройства, особенностями воспитания, но и, возможно, более глубокими ментальными характеристиками. "Я так думаю, что выигрывает тот человек, который может сам себя преподнести. Я не могу сказать, что я плохой человек или со мной трудно общаться, но для того, чтобы меня понять, нужно просто пообщаться какой-то определенный период. А вот так придти и нахвалить, что я такая хорошая – нормальный русский человек не может себя нахвалить. Недаром говорят, что наглость – второе счастье. Я вот не умею и в этом всегда сложность. Нужно как-то перебороть себя... Умение преподнести себя – это сложно" (женщина, 38 лет).

В планах безработных однозначно доминируют действия, предполагающие формирование и поддержание социальной и профессиональной стабильности и защищенности. С одной стороны, это можно объяснить

компенсаторной реакцией людей на трудную ситуацию, когда хочется вернуться к спокойной, прогнозируемой жизни. Если учесть, что у человека, ставшего безработным, значительно падают показатели самооффективности, т.е. веры в свою способность решать проблемы (табл. 4.8), то такое объяснение вполне приемлемо.

Таблица 4.8

Соотношение показателей самооффективности безработных с нормативными показателями

Показатели безработных (N=257)		Нормативные показатели (N=495)		Уровень значимости различий
Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
26,7	5,26	31,93	4,74	0,0001

С другой стороны, преобладание подобных действий может объясняться общей тенденцией ориентироваться на стабильную работу по специальности по мере накопления жизненного опыта (средний возраст респондентов – 42 года), ведь чем старше человек, тем большую психологическую цену ему приходится платить за изменение профессионального и жизненного уклада. В пользу такого объяснения свидетельствуют полученные нами ранее результаты исследования социальной адаптации других возрастных групп – выпускников общеобразовательных школ (16 лет), колледжей (18 лет), работающей молодежи (25 лет)³⁹. В таблице 4.9 приведен фрагмент этих результатов. Резкое усиление ориентации на гарантированную работу и работу по специальности уже в 25-летнем возрасте (по сравнению с учащейся молодежью) еще больше возрастает в зрелом возрасте. Естественно, это создает дополнительные барьеры для трудоустройства, поскольку работодателей и службы занятости нередко не могут удовлетворить такие ожидания.

Таблица 4.9

Распределение ответов на вопрос о возможном поведении в случае потери работы представителей разных возрастных групп, % от числа опрошенных (фрагмент)

Возможное поведение	16 лет	18 лет	25 лет
	(N=384)	(N=395)	(N=102)
Сохранение социальной и профессиональной стабильности и защищенности (искать только такую работу, которая гарантирует стабильную занятость, искать работу по своей специальности)	31,3	19,8 *	68,6 *

* Существуют статистически достоверные различия ($p < 0,001$) со всеми остальными показателями в ряду.

Очевидно, что соотношение трудностей, выводов и планов носит вероятностный характер, однако мы можем предположить, что одни сочетания конкретных признаков этих модельных элементов носят случайный характер, а другие являются более предсказуемыми в силу своей внутренней связанности. Имеющийся в нашем распоряжении массив шкальных оценок был подвергнут кластеризации, чтобы выявить эмпирические группировки признаков и тем самым получить информацию о том, как структурируются представления безработных о поведении в сфере занятости. Анализ результатов кластеризации позволяет выделить несколько узнаваемых способов проектирования безработными своей жизненной ситуации, которые мы попытались реконструировать по цепочкам признаков.

1. Первый способ базируется на выраженной материальной и бытовой (в отношении жилья) депривации, которые порождают неуверенность в себе, напряженные отношения в семье и толкают на поиски любой работы. Поведение сопровождается готовностью приспособливаться к обстоятельствам, понижением требований к работе и условиям жизни.

2. Второй хорошо просматриваемый способ проектирования связан с получением пособия, обращением за помощью в государственные и общественные организации и сопровождается неумением ориентироваться в ситуации.

3. Третий способ — уход в семью и домашнее хозяйство. Основные проблемы, волнующие здесь безработных, связаны с будущим детей либо ухудшением здоровья (своего или своих близких). Желание в дальнейшем больше заниматься домом и/или личным подсобным хозяйством вытекает из комплекса выводов, сделанных за период отсутствия работы: необходимости больше заниматься семьей и своим здоровьем,

³⁹ Демин А. Адаптация молодежи к социальным изменениям // Социальные изменения в России и молодежь / Научный ред. В.Магун. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. С.14.

ланных за период отсутствия работы: необходимости больше заниматься семьей и своим здоровьем, стараться не обращать внимание на трудности и более рационально вести бюджет.

4. Четвертый способ сконцентрирован на имеющихся в распоряжении безработного профессиональных ресурсах. Его угнетает невозможность использовать образование и квалификацию и он намерен искать работу по специальности. Гипотетически в основе такого способа могут лежать как представления о неизменности однажды сделанного выбора, способные блокировать адаптацию, так и зрелое индивидуальное самосознание, в котором профессиональный опыт признается ценным ресурсом преодоления жизненной трудности.

5. Пятый способ, видимо, характерен для "политических активистов". Порожденное состоянием безработицы чувство бесполезности для людей и общества сопровождается такими выводами, как важность активного участия в общественной и политической жизни, знания российских законов и умения требовать того, что положено по закону, а также необходимости терпеть испытания и лишения. Такие люди в будущем видят себя не в сфере трудовой занятости, а в общественно-политических движениях.

6. Шестой способ можно было бы назвать гедонистическим: безработные не отмечают у себя особых проблем и пришли к выводу, что нужно больше жить для себя. Реальность такого способа можно проиллюстрировать характерным высказыванием, взятым из интервью: "*Жить нужно здесь и сейчас, прошлого нет, будущего тоже нет... Я никому не слуга и не хозяйин, я живу одна, я пока наслаждаюсь жизнью. Может быть, безработному об этом не стоит говорить, но знаете, я всегда мечтала хоть год не поработать, я так устала от этой работы. Я считаю, судьба посылает год, надо получить наслаждение*" (женщина, 51 год).

7. Седьмой способ характеризует людей, испытывающих нехватку профессиональных навыков и, видимо, поэтому чувствующих себя неуверенно. Они закономерно приходят к выводам, что нужно обучаться новым специальностям, активнее искать работу, более уверенно вести себя и использовать любые шансы, предоставляемые жизнью. В будущем они планируют как осваивать новую профессию, так и искать работу, гарантирующую стабильную занятость.

8. Восьмой способ поведения может быть квалифицирован как предпринимательский. Для таких безработных основными проблемами являются отсутствие собственного дела и зависимость от внешних обстоятельств. За период отсутствия работы они пришли к ряду согласованных выводов: нужно открыть собственное дело, активнее налаживать нужные связи с людьми, надеяться прежде всего на себя, быть более настойчивым в реализации своих целей и стараться просчитывать возможные последствия своих решений. Неудивительно, что в будущем они планируют организовать собственное дело.

Обзор содержания кластеров показывает, что одни способы проектирования являются хорошо структурированными, включают все три элемента регуляции поведения (трудность-вывод-план). К ним относятся: отчаяние с готовностью на жертвы (кластер 1), уход в семью (кластер 3), общественно-политическая активность (кластер 5), профессиональная мобильность (кластер 7), предпринимательство (кластер 8). Другие способы проектирования являются менее структурированными, в них отсутствует один из элементов (вывод или план). К ним относятся: социальное иждивенчество (кластер 2), верность профессии (полученная профессия должна быть воспроизведена) (кластер 4), гедонизм (кластер 6).

Анализируя способы проектирования, можно обратить внимание на то, что "предприниматели", "общественные активисты" и "гедонисты" готовы сполна использовать новые социальные возможности. "Уходящие в семью" и "социальные иждивенцы", занимают, скорее, пассивно-оборонительную позицию, ищут укрытие, хотя и в разных смыслах. "Отчаявшиеся" характеризуются невротической реакцией, "честолюбцы" пытаются отстаивать свои устоявшиеся взгляды на занятость, а "мобильные" намерены приспособливаться к новым требованиям рынка труда.

4.3.3 Способы реализации проектов занятости

Реализация проектов не всегда совпадает с замыслом, поэтому, моделируя процессы в сфере занятости, мы не можем обойти вопрос о том, как *действуют* безработные в трудной ситуации. Их действия достаточно разнообразны и могут как блокировать конструктивную адаптацию, так и способствовать ей. Мы намерены дать обзор второй группе, которая относится к совладающему поведению⁴⁰ на рынке труда.

Способы совладания могут иметь статус навыков, шаблонов, сформировавшихся на предыдущих этапах жизненного пути, а также статус изобретательных действий, оформляющихся в текущий период. В современной социально-экономической ситуации запрос на действия второго типа повышается, что создает предпосылки для нормативизации изобретательного поведения домохозяйств (для многих из них это действительно уже стало нормой, поскольку приходится постоянно бороться либо за выживание, либо за приемлемый уровень жизни, а в целом — с неопределенностью настоящего и будущего).

При анализе совладающего поведения мы опирались на материал нескольких серий полуструктурированных интервью и фокус-групп. Обращение к качественным методам в данном случае определяется их большей чувствительностью к многообразным контекстуальным переменным, от которых в существенной степени

⁴⁰ См.: Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. N.Y.: Springer, 1984; Moos R.H. (Ed.) Coping with life crises: An integrated approach. N.Y.: Plenum press, 1986; Нартова-Бочавер С.К. "Coping behaviour" в системе понятий психологии личности // Психол. журн. 1997. Т.18. №5; Либина А., Либин А. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами? // Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998 и др.

зависят особенности реализации поведенческих проектов. Тематическое единство интервью и анкет, их реализация в единой концептуальной и целевой рамке позволяет рассматривать качественные и количественные данные как взаимодополняющие. Их совмещение обеспечивает не только логическую полноту исследования, но и репрезентацию состояний объекта исследования.

Мы выделяем три основные стратегии совладания, каждая из которых включает несколько видов действий.

I. Целенаправленное использование ресурсов своей межличностной сети. К этой стратегии относятся:

- Активная “инвентаризация” связей своих родственников, старых друзей, знакомых, обращение к ним за помощью⁴¹.
- Внутрисемейная консолидация (семейные советы и взаимная поддержка членов семьи) является не только важным условием преодоления жизненных тягот и неудач, но порой единственным источником энергии, питающей действия человека в трудной ситуации, позволяющей ему поддерживать свою психологическую устойчивость.
- Создание референтного круга общения, в котором культивируется взаимопомощь и разного рода обмены: услугами, продукцией, информацией и планами. Погруженность в референтный круг общения является важной предпосылкой адаптации, стартовой площадкой для эффективных форм поведения.

Трудоустройство через репутацию. Человек находит работу, зарекомендовав себя на одном из прежних мест. Основу этой формы поведения составляет ответственное участие в профессиональной межличностной сети. Стараясь качественно выполнять взятые на себя обязательства, человек формирует долгосрочные обменные отношения со своим актуальным и потенциальным окружением.

В целом рассматриваемая стратегия совладающего поведения предполагает занятие позиции “умного” участника межличностной сети. Здесь уместно привести слова одного из классиков подхода к анализу преодолевающего, совладающего поведения, указавшего на подоплеку “умного” участия: “... процесс совладания в существенной степени зависит от направленности на другого человека во взаимоотношениях, а также на отношения сами по себе”⁴².

II. Действенная конкретизация образа самого себя, своих планов и оценок происходящего. Сюда вошли:

- Осознание и активное использование индивидуальных ресурсов. Суть заключается в осознании своих индивидуальных свойств, себя в целом в качестве средства или источника достижения нужного результата, сдвига в лучшую сторону. Человека поддерживает уверенность в том, что определенный навык, специальный опыт или другая индивидуальная характеристика, например, способность сходить с людьми, быстрая обучаемость и др., является его сильной, выигрышной стороной. Это сопровождается готовностью использовать данные индивидуальные свойства в разнообразных начинаниях даже вопреки очевидным барьерам типа возраста.
- Определенное конкретизация оценок, намерений, планов. Порой недостаточно знать о той области, где ты можешь чего-нибудь достичь, необходимо еще и построить конкретный путь к ней. Можно считать себя специалистом вообще, а можно видеть, какую конкретную работу ты в состоянии выполнить. Способность определить, конкретизировать свои планы и умения в той или иной области — важный элемент в преодолении трудностей. Человек может иметь достаточно богатый профессиональный опыт, но умение сфокусировать его на конкретной проблеме, ситуации, запросе является тем механизмом, который переводит опыт в эффективное поведение.
- Пробы и эксперименты на свободном рынке труда, ведущие к накоплению необходимого опыта. Использование различных вариантов поиска работы, подкрепленное успешными примерами других людей, помогает человеку выработать конструктивную позицию по отношению к неудачам, нащупать свои слабые и сильные стороны, ожидания и требования к себе и выработать в итоге эффективную стратегию поведения на рынке труда.

III. Достраивание контекста текущей жизненной ситуации. Сюда вошли:

- Отношение к трудной ситуации как совокупности шансов. Одни воспринимают себя жертвой ситуации, другие рассматривают сложившиеся и складывающиеся обстоятельства как источник новых или дополнительных шансов, которые открываются, планируются, используются самим человеком. Например, человек устраивается на работу, не обращая особого внимания на стартовую зарплату, поскольку он видит для себя возможность установить новые социальные связи, получить новую информацию и проч., которые в данной ситуации могут оказаться более весомыми приобретениями.

⁴¹ По данным И.Козинной, доля трудоустройств по личным связям (рекомендация и протекция) значительно увеличилась в 1992 году, после чего стабилизировалась на уровне 45-50% (Козина И. Реструктурирование рынка труда и каналы мобильности // Занятость и поведение домохозяйств ... С.187). Тот же автор полагает, что активизация обращений к социальным сетям в сфере трудоустройства является реакцией на существующий дефицит рабочих мест, а также провоцируется полукриминальным характером экономики (особенно в новом частном секторе), определяющим высокую эффективность доверительного трудоустройства «по знакомству» (Там же. С.199).

⁴² Lazarus R.S. Forword // Eckenrode J. (Ed.) The social context of coping. N.Y.: Plenum. 1991. P. X.

- Поиск и приобретение "нужных" связей. Подобного рода действия выполняют важную функцию в конструировании шансов, через них жизненная ситуация обнаруживает новые возможности.
- Переобучение как способ накопления ресурсов и выхода из ситуации. Помимо предоставления дополнительных возможностей для трудоустройства, переобучение выполняет ряд важных вспомогательных функций. Безработные отмечают повышение уверенности в своих силах и положительный эффект от самой возможности "занять мозги", даже если потом не удалось найти работу.
- Способность видеть множество сфер приложения своих сил. Если у человека существует только одна единственная профессиональная ниша, где он реализует себя, то удар по ней парализует его мотивационную сферу, возникает убеждение, что "я ничего не могу сделать", "какой смысл что-то предпринимать?", рождается агрессия. Если же человек видит множество сфер приложения своих умений и сил, это позволяет ему легче пережить кризис, который не воспринимается как катастрофа, не возникает ощущения завершеного пути.

Выделенные действия и объединяющие их стратегии дополняют друг друга и могут присутствовать в поведении одного и того же человека, т.е. мы можем говорить о комбинировании как принципе реализации совладающего *поведения*. Это не исключает возможности доминирования каких-то действий и стратегий. Доминирование может носить как ситуативный характер, обусловленный взаимодействием обстоятельств, личных ресурсов и предпочтений индивида (для примера укажем на конкретизацию планов поведения или переобучение), так и устойчивый характер, обусловленный особенностями биографии человека, традициями и правилами принятия решений домохозяйством. В последнем случае можно говорить о некотором жизненном стиле (примером могут служить трудоустройство через репутацию или способность видеть множество сфер приложения своих сил).

4.4 Модели поведения домохозяйств на российском рынке труда

Занятость на "старых" и "новых" предприятиях, миграция между сферами работы и безработицы, равно как и появление маргинальных статусов полужанятости и полубезработицы, дают пищу для аналитических суждений о тех моделях поведения домохозяйств, которые складываются на российском рынке труда. Содержание моделей определяется особенностями маршрутов, проектов занятости, способов их реализации, на выбор которых влияют внутренние (композиция и материальный достаток домохозяйств, характер занятости и мотивационно-ценностные установки их членов) и внешние (доступность рабочих мест, идеологическая и культурная среда, социальные сети) факторы.

Мы можем обратить внимание на то, что новая трудовая идеология, акцентирующая ценности высокого дохода и разнообразного материального потребления, а также частной инициативы, вступает в противоречие с особенностями российского рынка труда, на котором для большей части домашних хозяйств основным источником дохода является работа не в новом частном секторе, а в бюджетных и бывших государственных предприятиях (различных АО)⁴³. В начале 90-х годов отечественные авторы, изучавшие способы адаптации работников, делали вывод, что абсорбционная емкость нового частного бизнеса пока еще низка, поэтому в ближайшем (для того времени) будущем емкость внешнего рынка труда будет оставаться ограниченной и, следовательно, адаптивность и флексибилизация рабочей силы может в основном проявиться либо на внутреннем рынке труда, либо в виде добровольного ухода из сферы труда по найму (досрочный выход на пенсию или самозанятость)⁴⁴. В конце 90-х годов другие авторы, отмечая, что новый частный сектор играет существенную роль на российском рынке труда, обеспечивая первичную занятость для 10-15% населения России, уже подошел к своим пределам, поскольку ограничивается в основном сферой торговли, услуг, легкой промышленности и поэтому не может заместить традиционные формы занятости⁴⁵. С учетом этих положений можно высказать следующие предположения:

1. Перемещение к "старым" и перемещение к "новым" работодателям являются относительно самостоятельными подмаршрутами в сфере занятости, к которым тяготеют разные по численности и своим характеристикам группы населения. Это косвенно подтверждается дифференциацией работающих (и безработных) по трудовым ценностям⁴⁶ и трудовым ориентациям. Разделенность маршрутов является, если опереться на удачное выражение Р.Капелюшника⁴⁷, моделью адаптации домохозяйств к рынку труда, который остался нереструктурированным.
2. Следует ожидать нарастающего перераспределения маршрутов поведения безработных в сфере занятости в пользу "старых" работодателей и/или альтернативной активности (домашний труд, самообеспечение).

На уровне проектов и способов их реализации можно обратить внимание на то, что:

⁴³ Кабалина В., Кларк С. Введение // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России. С.10-11, 15).

⁴⁴ Магун В.С., Гимпельсон В.Е. Стратегия адаптации рабочих на рынке труда // Социологические исследования 1993. №9. С.83.

⁴⁵ Кабалина В., Кларк С. Указ. соч.

⁴⁶ См.: Магун В.С. Об изменениях трудовых ценностей...

⁴⁷ Капелюшников Р. Российский рынок труда ...

1. Формируются такие способы проектирования занятости, когда активные действия мыслятся в качестве нормы поведения. Наиболее характерны они для работников новых частных предприятий, ориентированных на максимизацию своего труда ради высокого заработка, и безработных.
2. Одновременно продолжают существовать и активно воспроизводиться способы проектирования гарантированной занятости, что воплощается в ориентациях на "старых" работодателей и уходе в семью и домашнее хозяйство.
3. Реализуемость проектов во многом определяется наличной структурой и доступностью рабочих мест, а также системой неформальных правил, сложившихся на предприятиях, поэтому одни проекты занятости могут блокироваться (например, у безработных), другие — провоцировать повышенную мобильность (у рабочих новых частных предприятий). Существуют конструктивные и неконструктивные способы реализации проектов. Их выбор зависит не только от внешних условий, но и личных умений и возможностей людей (т.е. способностей, персонифицированных усилий и отношений). В последнем случае следует говорить об адаптационной компетентности членов домохозяйств в трудной жизненной ситуации. Выработка этой компетентности и методы ее социального закрепления в виде норм и ценностей должны стать предметом тщательного изучения, с одной стороны, и предметом активной социальной политики, с другой.

Вероятно, в России "старые" работодатели и альтернативная активность становятся основными аренами институциональных преобразований в сфере занятости⁴⁸, что может привести к "новой" ориентации на старую трудовую идеологию. Пока трудно сказать, в чем именно будет заключаться эта "новизна", поскольку многие, желая больше зарабатывать, вынуждены ориентироваться на процесс труда и стабильную занятость, не имея особых возможностей для выбора. Те же, кто однозначно пренебрегает стабильной занятостью, могут действовать только в определенном диапазоне рабочих мест и в этом смысле их возможности для выбора также сужены.

Проблемы с поиском подходящей работы, ее потери и приобретения дают людям опыт преодоления трудностей, а следовательно, не могут не влиять на формирование и распространение определенных норм поведения в трудовой сфере, в частности, норм построения временной перспективы, принятия индивидуальной ответственности за свою судьбу и т.д. В этом нетрудно убедиться, обратившись к исследовательской практике. Например, во многих современных семьях муж нередко сосредоточивается на "внешней" работе, приносящей тот или иной доход, а жена — на ведении домашнего хозяйства. К такому распределению обязанностей семьи приходят вынужденно: жене проще отказаться от небольшой зарплаты, которая тратится на проезд и питание вне дома, чем оставлять детей и дом без присмотра. Для российских домохозяйств это относительно новая ситуация, вступающая в противоречие с усвоенными ранее нормами и трудовыми идеологемами. Следует иметь в виду, что такая форма занятости не поддерживается системами социального (прежде всего пенсионного) страхования и это влияет на неопределенность как индивидуальной жизненной перспективы домохозяйки, так и всего домохозяйства, члены которого в итоге могут рассчитывать только на себя и сети межсемейной поддержки. Подобная ситуация придает особый статус проектам занятости: повышается их рискованность (с точки зрения возможных в будущем издержек), происходит локализация ресурсов, на которые домохозяйство может рассчитывать, уменьшается проницаемость будущего и, как следствие, происходит сосредоточение на ближайшей перспективе⁴⁹. В той мере, в какой эти изменения типичны, можно говорить о выработке новых по сравнению с советским периодом норм проектирования домохозяйствами своей занятости; содержание этих норм связано с временным горизонтом ограничителей и побудителей поведения, а через них — с этикой хозяйственных отношений и действий⁵⁰.

Социальная политика на рынке труда после десяти лет реформ объективно должна меняться. Наиболее очевидные направления изменений связаны с реформированием системы социального страхования различных форм занятости, диверсификацией услуг на рынке труда через создание новых организаций, ориентированных на консультационную поддержку и развитие личных ресурсов работников (безработных).

Перейдем теперь от анализа поведения домохозяйств на рынке труда к изучению того, как они себя ведут на финансовом рынке — как они тратят полученную плату за труд, используя её для потребления и сбережения.

⁴⁸ Помимо того, что «старый» сектор доминирует в России, он еще способен выступать, по мнению Р.Капелюшника, «в качестве источника притяжения рабочей силы, причем, не менее, а подчас и более мощного, чем новый частный сектор» (Капелюшников Р. Указ. соч. С.106).

⁴⁹ Как показывают исследования последних лет, у значительной части нашего населения временная перспектива сильно укорочена или не определена (Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психол. журн. 2000. №4. С.5-21).

⁵⁰ П.Козловски пишет, что этические регуляторы поведения зависят от способности переходить от ближней к дальней перспективе, от локального к глобальному и обратно (Козловски П. Принципы этической экономики. СПб., 1999).